

Малая Глуша

Мария
ГАЛИНА

«Этот роман – квест,
где путь к себе самому
важнее достижения
фактической цели.
Возьмем, что добудут до конца.
Легко догадаться, что там
случится. Смысл в том, что
что поймет и какой сделает
последний шаг».

Олег Дивов,
критик
журнала «Взгляд»

Мария Галина

Малая Глуша

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181770

Малая Глуша: Эксмо; М.; 2009
ISBN 978-5-699-33162-8

Аннотация

«Фантастическая сага времен застоя» – так сама Мария Галина, лауреат множества литературных премий, определяет жанр нового романа.

Невероятные события разворачиваются в маленьком портовом городке на юге России. Из далеких теплых стран приходит нефтеналивной танкер, в документах которого значится загадочное: «Заражение третьей степени объектом Д-8...» Разгадать загадку груза предстоит простым советским гражданам.

Когда темнота спускается на город, когда последний трамвай ушел в депо и на улицах нет ни души, Страх выходит на охоту.

Переводя человеческие страхи на язык сказки, Галина помогает избавиться от них!

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Мария Галина

Малая Глуша

В начале времен пена была черного цвета. В начале времен не было ни еды, ни лекарств. В начале времен люди были с хвостами.
«Мифы американских индейцев»

Мы заявляли, что Венера не пройдет транзитом по Солнцу, и она не прошла.

Часть первая

СЭС-2. 1979

– Куда, зараза?

На нее надвинулось что-то большое, грохочущее, пахнущее железом и разогретой соляжкой. Розка отпрянула.

– Я это, – опомнившись, она засемила за погрузчиком, вытягиваясь на цыпочках и заглядывая в кабину, – мне нужно строение 5/15 А. Вот...

Она на всякий случай еще раз заглянула в скомканную бумажку. Розка себе не доверяла, потому что вечно витала в облаках.

– Вниз, – сказал водитель, высунувшись из кабинки, – склады видишь?

– Ага...

– Налево к пятому причалу и вниз. Там это... контейнеры видишь?

– Спасибо, – обрадовалась Розка.

– Так ты туда не ходи. Мористее забирай. Ясно?

Розка, окончательно запутавшись, пожала плечами. Она попыталась еще что-то спросить, но погрузчик взревел. Она опять отскочила. Водитель снова высунулся из кабинки.

– Чего? – переспросила Розка с надеждой.

– Ноги не переломай, – крикнул водитель, – ишь ты, каблучищи какие.

* * *

Розка из-под руки глянула в сторону моря, белого и сверкающего. Грузовоз у пятого причала казался вырезанным из черной бумаги. Над головой истерично вскрикнула чайка.

Вообще-то чаек принято любить. Они отблескивают серебром и сталью в воздухе и пляшут на волне, как поплавки. Чайки романтичны.

Но Розка в чайках разочаровалась.

Как раз этим летом одну отдыхающую на надувном матрасе унесло волнами, и, пока она болталась в море, чайки до костей расклевали ей руки. Они пытались добраться до глаз, но та заслоняла глаза руками. Розка эту историю запомнила, и в душе у нее навсегда осело горькое чувство. Как будто ее

обманули.

Бетонка внезапно кончилась; пришлось сойти на раскаленный гудрон, и острый каблук тут же увяз. Розка выдернула его и тут же оглянулась – не смотрит ли кто. Крыши складов и ремонтных мастерских сухо отблескивали на солнце, море, казалось, шуршало рыбьей чешуей.

Вдруг внезапно стало очень тихо. Иногда так бывает, в самом конце лета. Время начинает двигаться словно нехотя, потом совсем останавливается. Воздух делается прозрачен и пуст, каждый звук словно подвисает в нем, отдельный и очень отчетливый. Длится это всего лишь краткий миг, потом застывший мир трогается с места и в усиливающемся лязге и грохоте набирает скорость, скользит, катится с вершины огромного хрустального шара...

Тогда наступает осень.

Из трещин в асфальте торчали пучки сухой травы. Рельсы вдруг возникли у самых Розкиных ног и ушли сверкающей колеей вниз, к причалу. Розка вздохнула и двинулась следом, мимо стендов с плакатами по технике безопасности. На миг она остановилась, замороженно рассматривая стоящего под грузом нарисованного рабочего; тот ковырял в носу, и Розке показалось, что на ковыряющей руке шесть пальцев. Она поймала себя на том, что тянет время, еще раз вздохнула, поправила на плече ремень сумочки и пошла дальше.

Низенькое одноэтажное строение 5/15 А (номер выведен бурой краской на розовом боку) действительно притулилось

за складом 5/15. Пупырчатая штукатурка местами отвалилась, немытые окошки забраны решеткой-солнышком, у двери табличка «СЭС». Дверь закрыта. Звонка нет.

Розка подумала немного, примерилась и стукнула ладонью по нагретому дерматину. Звук получился как от пощечины; ощутимый, но короткий. Никто не отозвался. Розка потопталась на порожке, зацепилась каблуком за пыльный выгоревший половичок, отцепилась, еще раз оглянулась, не смотрит ли кто, и потянула дверь на себя.

Поморгала, привыкая к полумраку. На самом деле здесь было не так уж темно – под потолком горела лампочка в проволочном каркасе, а в торце коридора солнце просачивалось сквозь розовую, в горошек, выгоревшую занавеску.

В коридор выходило только две двери. Она заглянула в первую – там среди комнаты стоял длинный стол и штативы с пробирками, как в школьном кабинете химии. Остро пахло реактивами. Тетка в белом халате, заляпанном чем-то желтым, что-то сосредоточенно мешала стеклянной палочкой.

– Вы к кому? – спросила тетка равнодушно.

– К Петрищенко, – Розка вновь покосилась на мятую бумажку, – Елене Сергеевне.

– Нет, – тетка не отрывала взгляда от пробирки, жидкость в которой начала медленно розоветь, – это вам в СЭС-2...
Следующая дверь.

Следующая дверь тоже была обита дерматином. Над две-

рю – подкова. Веселые люди тут работают. Розка опять на всякий случай шлепнула по дерматину и, услышав приглушенное «открыто», – шагнула внутрь. Комната скучная, крашеная бледной зеленью, самое уютное место боком к окну занимал стол, над которым висел календарь с пушистым котенком... Пробирок нет, и то хорошо. Молодая женщина в пергидрольных кудряшках обернулась и уставилась на Розку голубыми глазами, – точь-в-точь, как у котенка на календаре.

Розка вдохнула поглубже:

– Елена Сергеевна, здравствуйте, я вот тут... вам должны были позвонить... ну, от Льва Семеновича... тут...

– А! – сказала голубоглазая. – Елена Сергеевна там, солнышко, – она пухлой белой рукой неопределенно махнула в сторону боковой стены – там была перегородка и тоже дверь. – Иди, иди, лапушка, – руки женщины мелко зашевелились, и Розка сначала испугалась, потом поняла, что та что-то вяжет под столом, розовое и пушистое... – Только постучи сначала.

Розке почему-то стало отчетливо неприятно, хотя она никак не могла понять, в чем состоит ее, Розки, обида. Розка вообще обижалась очень легко, переживала молча, а потом жалела, что вовремя не подобрала гордый и остроумный ответ.

В крохотном кабинете за перегородкой, перерезавшей окно пополам, было негде повернуться. Половину пространства занимал потертый письменный стол; под стеклом фо-

тография толстой девочки. Фотография старая, черно-белая. Еще были сейф, крашенный бурой краской, и маленький столик у окошка, на котором стояла пишущая машинка в чехле; календарь Морфлота с парусником, прорезающим бурное море, два стула и фикус в кадке. Розке тут не понравилось.

Особенно ее раздражали календарь Морфлота и бледный коралловый куст на столе, прижимающий бумаги. Эти предметы обстановки говорили ей, Розке, о том, что где-то есть замечательные места и смелые, яркие люди, но отсюда до них было так же далеко, как, скажем, от поликлиники Приморского района, где работала тетя Рая.

* * *

И Петрищенко ей не понравилась, хотя она была не пухлая и голубоглазая, а, напротив, высокая и костистая. И старая – лет под сорок. Серый костюм джерси, белая блузка.

– Да? – Петрищенко пошарила рукой по столу, надела очки, и глаза ее сразу стали маленькими.

– Это... – опять завела Розка, – Елена Сергеевна...

– Да, – устало повторила Петрищенко.

И ноги у нее наверняка большие, злорадно подумала Розка...

– Я вот тут... от Льва Семеновича... Он вот тут... Потому что...

– А, – Петрищенко несколько оживилась, – по поводу трудоустройства?

– Ну... да.

Розка подавала на романо-германский. Все родственники хором говорили, что это безумие, туда без блата не сунешься, даже взятку без блата не возьмут, сказал Лев Семенович, но Розка опрометчиво верила в свои языковые способности...

Она закончила двухгодичные курсы английского при Доме офицеров, где преподавала сама Фараонова, неплохо освоила разговорник Скалкина и прочла на английском дебильную книжку «Daddy Long-Leggs» и еще «Love story» Эрика Сигала, над которой украдкой поплакала. Еще была какая-то совсем детская, по которой Розка и учила морскую терминологию; там у двух бедных арабских детишек злодей Хаджи пытался отобрать кусок драгоценной амбры.

Оказалось, этого недостаточно.

На семейном совете решили, что Розке лучше поработать, а после подавать на вечерний, все-таки девочка, не мальчик, ничего страшного, но с работой по профилю возникли проблемы. Был призван Лев Семенович – мамин родственник, двоюродный брат, что ли. Лев Семенович почти гарантировал, что Петрищенко даст направление, а с направлением она почти гарантированно поступит, а потом, может, так и осядет при Пароходстве; там, сказал Лев Семенович, есть возможности для карьерного роста.

Кажется, и Розка Петрищенко не понравилась. Мама пра-

ва, надо было надеть ту, ниже колен.

– Мы хотели мальчика, – сказала Петрищенко недовольно.

Розка молча пожала плечами. Ее мама тоже хотела мальчика. А получилась она, Розка. Что уж тут поделаешь.

– Хотя бы английский знаете?

– Трехгодичные курсы с отличием, – дважды соврала Розка, – при Доме офицеров, лучшие в городе, между прочим.

– Здесь судовые документы, – сухо заметила Петрищенко, – грузы... накладные... Терминология...

– Ну, я... освою.

– На машинке печатать умеете?

Машинка под чехлом – Розка успела разглядеть – была новенькая электрическая «Ятрань».

– Ага, – сказала Розка, заглядывая Петрищенко в глаза. Ничего не поймешь, стекла очков отблескивают.

– Сколько знаков в минуту?

– Чего? – удивилась Розка, бойко печатавшая двумя пальцами.

Та скорбно кивнула головой, словно подтверждая – иного она и не ожидала. Розка украдкой вытерла ладонь о юбку.

– Родственники за границей есть?

– Откуда?

Розка уже готова была сказать, что она – круглая сирота, и сама в это поверить.

– Поймите, девушка, – печально сказала Петрищенко, – у

нас в общем-то режимная контора...

Лев Семенович насчет режима предупреждал. «Режимных предприятий, Розочка, – говорил он, – вообще гораздо больше, чем кажется, и СЭС – в том числе, потому что – а вдруг холера? Или чума, не приведи господи, или еще что... а вообще любая работа, связанная с языком, режимная, а ты как думала?»

– А эти... горничные, которые на границу? – спросила тогда Розка.

– Ты что, – сказал Лев Семенович, – маленькая? Какие они горничные? Но здесь, деточка, – сказал Лев Семенович, – на что подписываешься, то и получаешь... поработаешь несколько лет с бумагами, освоишь терминологию, а там подумаем, что с тобой делать... тебе же спешить некуда, да и режим тут... вегетарианский, можно сказать, хи-хи...

Из чего Розка заключила, что он тоже слушает радио «Голос Америки», там недавно передавали воспоминания Лидии Чуковской об Анне Ахматовой. Люди способны удивлять, даже такие, как Лев Семенович.

Петрищенко опять вздохнула и встала из-за стола. Розка потянулась за ней, отметив, что из-под юбки-четырёхклинки у Петрищенко выглядывает кружевная комбинашка.

Голубоглазая по-прежнему сидела у окна, правда, вязание куда-то делось, впрочем, Розка увидела, что из ящика стола торчит розовая мохеровая нитка.

Пахло от голубоглазой, как в парфюмерном отделе уни-

вермага. Даже воздух стал липким.

– Вот, Катюша, – печально сказала Петрищенко, – секретаря прислали.

– Опять девочка? – выщипанные бровки Катюши полезли вверх.

– От Льва Семеновича, – пояснила Петрищенко.

Катюша молча окинула Розку взглядом бледных выпуклых глаз.

И задвинула боком ящик стола так, что розовая пушистая ниточка совсем исчезла из виду.

Воцарилось молчание. Потом Петрищенко вздохнула и сказала:

– Бумаги при тебе?

– Ага, – жизнерадостно ответила Розка, – паспорт и аттестат.

Она втайне надеялась, что не подойдет. Она была глубоко разочарована.

– Ну, так неси в кадры. Трудовую оформишь, приходи.

– А долго оформлять?

– Недели две-три. Тебя как зовут, Роза, да? Это, Роза, серьезная работа. Так быстро дела не делаются.

Прав был Лев Семенович, уныло подумала Розка, везде, где язык нужен, проверяют...

– А в кадры – куда?

– Наверх, в Пароходство. С башенкой такое здание, зелененькое. Еще якорь перед ним. Спросишь на вахте.

– Спасибо, – вежливо сказала Розка.

– И в следующий раз, пожалуйста, – сказала Петрищенко, и на шее ее появились красные пятна, – оденься поскромнее. Это ж порт.

* * *

Новую жизнь надо начинать в новой одежде. Под это дело Розка выцыганила себе пальто джерси, ярко-зеленого цвета. Оказалось, оно чуть маловато и топорщится на талии, но Розка не позволяла такой мелочи испортить себе удовольствие от новой вещи.

Тем более, как только окончательно повернет на осень, погода опять установится и дни будут солнечные. Правда, все короче и короче.

У крыльца строения 5/15 А сидел на корточках парень в брезентовой робе и курил, заслонясь от ветра. Он поглядел на Розку, помахал рукой, отгоняя дым, и подмигнул ей.

Розка пожала плечами и величественно прошла мимо, но опять зацепилась о половичок. Они нарочно его сюда положили, чтобы люди выглядели глупо. Она оглянулась, но парень уже и не смотрел в ее сторону. Розка что-то пробормотала себе под нос от неловкости и боком зашла внутрь. Вкрутили еще одну лампочку в коридоре, а вот в самой конторе мало что изменилось. Только стало темновато; море больше не передвигало по поверхности зеркала света, а было туск-

лым и шуршало, как смятая фольга. На подоконнике отращивало деток чахлое каланхоэ, на календаре рыжий котенок сменился серым, Катюши не было, а в углу стоял тот самый столик с «Ятранью», из кабинета, и чехол был снят.

Дверь в кабинет была открыта, и Петрищенко, увидев Розку, кивнула.

– Вот и хорошо, – сказала она и стала выбираться из-за стола. Для этого надо было отодвинуть стул к стене и обойти стол. Но Петрищенко не поленилась. Она вышла к Розке и похлопала ладонью по пишмашинке.

– Специально для тебя переставили.

Розке стало неловко. Она представила себе, как Петрищенко с Катюшей, кряхтя и задевая за косяк боками и задом, тащат столик из кабинета... Ну, может, они кого-то попросили, но все равно старались, а значит, ей, Розке, пути к отступлению отрезаны. Придется оправдывать ожидания.

– Это теперь твое рабочее место.

– Ага, – уныло сказала Розка.

– Ну, вот и приступай, – доброжелательно сказала Петрищенко. – Протоколы видишь? Их надо пронумеровать и подшить.

Она уткнула ноготь в облезлом розовом лаке в кипу бумажек рядом с машинкой.

– Чтобы последовательно были, по датам. А вот в эту книгу внести номер протокола, дату и судно. Тоннаж, порт приписки, все такое. Там уже есть, посмотришь. Если в протоко-

ле на английском, переведешь. А то запустили все, сил нет.

– Ага, – опять согласилась Розка. – А печатать?

– Что печатать? – рассеянно переспросила Петрищенко.

– Откуда я знаю, что.

– Пока не надо. – Петрищенко подумала и налила в каланхоэ воды из кружки.

– А переводить?

– Я ж сказала. Если в протоколе на английском, тогда переводи. Только название судна сохраняй.

Розка вздохнула, подвинула стул и села. Ей стало совсем грустно. Если не надо печатать, зачем ей полстола заняли этой дурой? Тем более печатать она, как ни странно, любила. Если машинка была механическая, Розка с такой энергией лупила по клавишам, что они гудели и цеплялись друг за друга. А электрическая вообще класс: чуть дотронешься, и она уже работает. И при этом теплая и урчит, точно кошка.

Она придвинула кипу заполненных бланков. Лесогруз «Бирюса». Столько-то кубометров леса. Зерновоз «Тимур Фрунзе». Пшеница сортовая. Легковые автомобили «Лада», экспортный вариант. Лиловый штамп «Санитарная инспекция № 2». Подпись и дата. Еще штамп. Еще подпись. Розка, чтобы не перепутать, нумеровала бумажки соответственно дате – карандашиком в верхнем правом углу, и подкладывала под зажим в папочку. Одну за другой.

– Корабли постоят, – бормотала сквозь зубы Розка, – и ложатся на курс... Но они возвращаются сквозь непогоду...

«Машинистка приравнивается к рабочему, – сказал Лев Семенович, – в трудовой книжке так и будет написано „рабочий“, для анкеты это хорошо... С такой анкетой, может, и проскочит. И скажи спасибо, Эммочка, что она у тебя не захотела на востоковедение. Дочка Майи Владимировны захотела на востоковедение, золотая медалистка, прекрасная анкета, придраться не к чему, так ей пришлось пять лет на сталелитейном оттрубить, мастером цеха и попутно комсоргом – за рабочую путевку. Ну, понятно, там известно, на кого учат».

Розка отчаянно затосковала. Красивая, насыщенная жизнь опять отодвинулась куда-то в неопределенную перспективу. Осталась кипа бумажек, на некоторых отчетливо виднелись бурые круги, видно, чашку с чаем ставили.

– «Oil-tanker» – «нефтеналивной танкер», – прикусив кончик языка, переводила Розка. Потом задумалась, занеся ручку над пустой строкой, неохотно встала и заглянула в кабинет.

– Елена Сергеевна, а «DISPLACEMENT» – это что такое? Порт приписки?

– То же, что и «tonnage», – сухо отозвалась Петрищенко, занятая какими-то своими унылыми делами, – водоизмещение. «Порт приписки» – это «registration».

– Спасибо! – громко и вежливо сказала Розка и опять уселась на стул, поджав под себя ногу.

– Сgue – это команда, это я знаю, – бормотала про себя

Розка. – Дисплейсмент это сволочное так похоже на «порт приписки», это же надо... Ладно, тогда получается, «порт приписки» – «Кувейт». Ну и фиг с ним.

Большей частью поперек штампа «Санитарная инспекция № 2» была приписка шариковой ручкой по-русски: «Посторонних объектов не обнаружено». И подпись. Только к кувейтскому подколота бумажка с надписью «Заражение третьей степени объектом Д-8. Объект обнаружен и уничтожен. Команда отправлена на профилактический осмотр и восстановительные процедуры на МБМ». Наверняка какие-нибудь мухи, подумала Розка, личинки песчаных мух. Они откладывают свои яички в теле человека, и, скажем, палец, а то и вся рука постепенно превращаются в гниющую, шевелящуюся массу. От воображаемого зрелища ее передернуло.

Перемещаясь по морю, люди таскают за собой самые разные вещи. Багаж. Воспоминания. Надежды. Прошрое. Будущее. В том числе и свои болезни. И не только люди.

Кто хотя бы раз бывал в порту, видел плоские диски, напизанные на швартовочные канаты. Розка тоже видела. Крысы – великолепные канатоходцы, но перебраться через вставший на их пути плоский и гладкий диск они не в состоянии. А значит, ни одна крыса не поднимется на корабль. И ни одна не спустится с корабля на землю – что не менее важно.

Давно уже прошли те времена, когда покачивались на волнах парусники и веселились горожане («Ты гляди!»), наблю-

дая, как корчится на причале, пляшет, падает кверху лапками, замирает в смертельном оскале крыса с бомбейского клипера... Розка, кстати, недавно прочла «Охотников за микробами» Поля де Крюи и какое-то время даже мыла руки каждые пять минут.

Знающий человек объяснил бы Розке, что чума пришла в Европу, скорее всего, не морем, а по суше – когда из Средней Азии на смену местной и, скажем так, более лояльной черной крысе мигрировали зловредные серые. Впрочем, тот же знающий человек, скорее всего, добавил бы, что в общем и целом Розка права, припомнив в качестве аргумента колумбовских матросов, возивших туда-сюда туберкулез и сифилис.

Сзади хлопнула дверь. На Розку пахнуло сладким липким запахом; Катюша стянула плащик-болонью, повесила на рогатую вешалку. В комнате сразу стало душно.

– А, вот и наша Розочка, приступила наконец, – Катюша раскрыла сумку, усеянную капельками дождя, достала кулечек с карамельками. – Давно пора. На, угощайся. Держи, держи... кушай.

Розка карамельки не любила, но отказаться постеснялась, потому просто зажала конфету в руке, надеясь как-нибудь незаметно положить в ящик стола. Или затолкать под «Ятрань». В карман джинсов, слишком тесно облепивших зад, конфету было не протолкнуть.

– Да ты ешь, – сказала Катюша, причесываясь перед зер-

калом, – кушай. Она не ядовитая.

Розка развернула липкую бумажку и послушно положила конфету в рот. Карамель оказалась точно такая, как Розка и думала, – приторная и липкая.

– Вот и хорошо, – доброжелательно сказала Катюша, глядя из зеркала на Розку голубыми бледными глазами, – вот и ладненько.

И когда это дождь успел пойти, а я не заметила? Розка выглянула в окно. Море запестрело рябью, мокрые чайки, нахохлившись, бродили по причалу. Петрищенко появилась из своего кабинета, полезла в хлипкий конторский шкаф и извлекла оттуда электрочайник, спрятанный за стопкой папок.

Розке вдруг остро захотелось спать.

Мимо, обдав липким карамельным запахом, прошла Катюша. Розка слышала, как она шуршит бумажкой, потом звук выдвигаемого ящика.

– Пересядь, – сказала Петрищенко.

– Чего? – пробормотала Розка, встряхнувшись.

Она, оказывается, сидела, бессмысленно уставившись в одну точку.

– Так, чтобы окно было слева, – пояснила Петрищенко. – Положено так. По охране труда.

Катюша продолжала чем-то шуршать. Накатывали волны душевного аромата.

– Ага, – сказала Розка.

Петрищенко воткнула чайник в розетку и поставила на

подоконник большую шербающую чашку с красным цветком на боку.

Розка передвинула стул. Катюши теперь совсем не было видно, а рябое море теперь дышало в левую щеку. Почему-то сразу стало легче.

– «ЭМ-БЭ-ЭМ» что такое, Елена Сергеевна?

– Межрейсовая база моряков, – рассеянно пояснила Петрищенко.

– Это которая на Шевченко?

– Да. Которая на Шевченко.

– А объект Д-8 – это что?

– Узнаешь еще, – сухо сказала Петрищенко, – ты переписываешь? Вот и переписывай.

– Уже, – гордо сказала Розка.

Розка надеялась, что Петрищенко ее хотя бы как-нибудь одобрит, похвалит – все-таки первый рабочий день... Но Петрищенко только сказала:

– Ну и почерк!

Розка прочла в старой книге «Хиромантия и графология», что по почерку можно определить характер человека. Поэтому она старалась, чтобы хвостики у «д» и «р» резко и остро уходили вниз, в надежде на то, что характер как-нибудь сам собой станет твердым и решительным. Но иногда машинально украшала буквы завитушками, потому что у них в классе было так модно.

Петрищенко тем временем вновь быстро пролистала бу-

мажки, захлопнула папку и вернула ее Розке.

– Отнеси в контору, там спросишь, где первый отдел, отдашь секретарю, он отдаст Лещинскому под расписку. По дороге ни с кем не болтай и папку никому в руки не давай. Ясно?

– Первый отдел, это который?

– Первый – это первый. Потому что второго нет. И скажи секретарю, пусть скажет Лещинскому, бланки кончились.

– Ладно. Контора – это наверху, где якорь?

– Ну да, ну да... якорь... и можешь не возвращаться сегодня. Льву Семеновичу привет передавай. Он тебе кто?

– Дядя. Двоюродный.

– Вот и передай привет дяде. Скажи, Ледка привет передает. Ну, Ледка-Енка, – пояснила она, встретив недоумевающий взгляд Розки.

Только теперь Розка сообразила, что Елена Сергеевна Петрищенко имеет в виду себя.

Лев Семенович тоскливо покосился на беленький телефон, стоявший на полированном журнальном столике. Пять минут, буквально пять минут, и позвоню. Новости вот только досмотрю. Нужно же знать, что в мире делается. Или, может, сначала поужинаю, а потом позвоню. Да, наверное, вот так.

Зазвонил телефон.

Лев Семенович вздрогнул и зачем-то поднес руку к губам.

– Лека, звонят, – сказала жена из кухни.

– Меня нет, солнышко, – крикнул Лев Семенович и опять покосился на телефон. – Вдруг услышит? – Возьми, скажи, меня нет.

– А где ты?

– Ну, мало ли? За хлебом вышел. Или нет. Уехал. Или нет...

Звонил телефон. Звонил, звонил, звонил.

Жена, шаркая шлепанцами, подошла к столику и взяла трубку. Лев Семенович настороженно наблюдал за ней, слегка втянув голову в плечи и не замечая этого.

– Да? – Голос ее чуть изменился, стал кокетливым и звонким. – Да. Лека? Дома. Сейчас, сейчас он подойдет.

И кивнула Льву Семеновичу, протягивая ему трубку.

– Кто? – шепотом спросил Лев Семенович.

Трубка глядела на него черным оком змеи.

– Герега, – шепотом пояснила жена.

Лев Семенович затряс головой и выставил перед собой ладонь, изображая нежелание и даже отвращение, но трубка по-прежнему смотрела ему между глаз, и он, кинув в сторону жены укоризненный взгляд, вытянул руку, взял нагретый пластик и прижал к уху.

Сглотнул и сказал:

– Да?

– Левушка, – раздался в трубке дружелюбный голос, – ты еще дома? Я же тебе сказал – жду! Давай одевайся, одна нога

здесь, другая там. То есть наоборот, – в трубке хохотнули.

– Я не могу, – сказал Лев Семенович, чувствуя острое отвлечение к себе и к окружающему миру, – у меня что-то с желудком.

– Через «не могу», – дружелюбно посоветовал голос. – Люби тачку, и чтобы через двадцать минут был у меня. Нет, лучше прямо к Пушкину подъезжай. Ясно?

– Ясно, – проблеял Лев Семенович. Он хотел еще что-то сказать, но в трубке уже пищали короткие гудки. Он вздохнул, разжал липкую и холодную ладонь и уронил трубку на рычаг.

– Римма, я же просил!

– Он твой научный руководитель, – скучным голосом ответила она, пожимая плечами и отворачиваясь.

«Она права, – подумал Лев Семенович, – а я тряпка. Ничтожество. А он мой научный руководитель. У него безобидные слабости. Такое чувство юмора. Я могу отказаться. Подойти к нему и твердо сказать: „Извините, я никуда не пойду“. Ведь я уважаемый человек, можно даже сказать, хороший человек, ведь должно же хватить у меня твердости».

– Лева, не дури, – сказала жена, глядя в черное окно, – тебе ясно сказали – будет диссертация, возьмут в министерство. Там степень нужна. У него связи. Защита пройдет как по маслу. Ты хочешь, чтобы тебе накидали черных шаров?

Она с удовольствием повторила это Герегино «как по маслу» и «черных шаров», что должно было означать, что в та-

ком деле, как диссертация, уж кто-кто, а она прекрасно разбирается. «Кандидатская» она тоже выговаривала с удовольствием.

Гордится...

Тебе даже делать ничего не придется, мы распатроним твою тему по главам и раздадим студиязусам. Им все равно курсовые делать. А потом соберем, останется только автореферат написать. Брось, Лева, ножкой сучить, все так делают.

Когда он говорит, все кажется таким убедительным, таким... нормальным. Все так делают. Нет, тут как раз не придерешься, я не обязан делать все сам от и до, это нормальная практика, я же занятой человек, как бы я все это сам писал? Она, дура, думает, что я поздно домой прихожу, потому что остаюсь на работе данные обсчитывать...

Может, ну ее, эту диссертацию к богу, не нужна мне эта Москва. Нет, наоборот, я уеду от Гереги в Москву, и все будет хорошо, нет, он же все равно однажды вот так позвонит, и...

– Лева, одевайся, – твердо сказала жена, – что стоишь с раскрытым ртом!

– Да-да, – торопливо ответил Лев Семенович и стал втискивать ноги в осенние чешские ботинки.

Каждый фонарь, казалось, был замкнут в еще один мутный шар, внутри которого сновала мелкая морось. Лев Семенович, подпрыгивая, махал поднятой рукой, машины пролетали, лаково блестя, по мокрой брусчатке, и каждая швы-

ряла ему в лицо пучок ослепительного света, столько света вокруг, откуда, зачем?

Город был полон света и воды, как тонущий корабль. Все едут домой, подумал он с тоской, или сидят по домам, все нормальные люди сидят по домам...

Наконец ему удалось поймать «жигуленок».

Тоска и острое одиночество сжали горло, и он даже перевести дух не успел, а они уже подъезжали к памятнику, и зеленоватая курчавая голова с бакенбардами высилась над столбом, блестя в дождевом ореоле. Почему никто не замечает, как это нелепо, когда голова на столбе?

Гергега стоял под освещенным портиком Горсовета, плотная фигура в черном плаще с поднятым воротником на фоне бестелесных колонн. Конечно, ему же близко, он же здесь живет, в старом центре, на Ласточкина. И почему он всегда носит темные очки? Что такое у него в глазах, что он не хочет, чтобы это видели другие?

Вспыхнул и погас столб водяной пыли, и человек в плаще скатился по ступенькам, как могут передвигаться полные, но подвижные и жизнерадостные люди. Он был точно шарик ртути, подвижный, юркий и неуязвимый. Дождевик-болонья оказался не черным, а серым...

Лев Семенович сунул шоферу деньги и неуклюже выбрался из машины. Дождь еще раз вспыхнул тысячей искр и погас окончательно.

– Лева, – укоризненно сказал Гергега, всплеснув пухлыми

ручками, – ну, сколько же можно! Тут же мокро.

– Я не... – Лев Семенович огляделся. На площади было совершенно пусто, если не считать милицейского поста перед Горсоветом, но что толку? Это же смешно. Герега доктор наук, профессор...

– Пойдем, пойдем, – Герега короткими пальцами теребил его за рукав.

– Куда? – Лев Семенович попробовал замедлить шаг.

– Работать, разумеется. – Брови над темными очками поползли вверх. – Ты же план диссертации захватил?

– Захватил, – Лев Семенович потрогал зачем-то пузатый портфель, где лежала бутылка армянского коньяка.

Он почувствовал некоторое облегчение. Никаких приключений, как в тот раз. И этой ужасной сауны тоже не предвидится. Они просто пойдут к Гереге домой, откроют коньяк и будут делать вид, что обсуждают план диссертации. Высокая красивая жена Гереги внесет на блюдечке нарезанный лимон с горкой сахарной пудры или, может быть, маленькие бутерброды с красной икрой – Герега умел жить хорошо, с размахом, и жадным не был, что да, то да... Лев Семенович даже на миг почувствовал во рту вкус красной икры. Потрясающе красивая женщина, и как сумел такую отхватить? Говорят, влюбился без памяти, преследовал вечером до самого дома, прячась в кустарнике у обочины тротуара, а она его в упор не видела, и нарочно прижималась к кавалерам, и насмехалась над ним. А потом вдруг раз – и он уже ведет ее

в загс. Что-то, говорили, он узнал такое про нее или про ее отца, большую шишку...

Но Герега свернул не на Ласточкина, не в темную арку, где тускло светила одинокая лампочка в проволочной сетке, а к лестнице, ведущей в порт. Лестница была черная и мокрая, к ступенькам липли бледные кленовые листья.

– Но работать... – Лев Семенович даже попытался придержать его, ухватив за рукав.

– Потом, потом, – отмахнулся пухлой рукой Герега, – еще дело есть!

– Но мне надо завтра пораньше... у меня работа... пятиминутка...

– На работу, – наставительно произнес Герега, – надо приходить вовремя. То есть тогда, когда тебе хочется. Ты начальник или где?

– Начальник, – согласился Лев Семенович, – но ведь, Толя, пойми, надо мной есть тоже начальник...

– Поставить ты себя не можешь, вот что я тебе скажу. Да если бы я мог себя поставить, чуть не сказал Лев Семенович, разве болтался бы я тут с тобой?

Мимо шел морячок под руку с девушкой. Девушка семенила в обтягивающей юбке. Морячок держал над ней зонтик и, склонившись, говорил ей что-то на ухо, и она громко, залиvisto смеялась, откидывая голову назад. Смех показался Льву Семеновичу фальшивым.

Шлюха, подумал он...

Ему захотелось подойти и ударить девушку, чтобы она перестала смеяться, и он поплотнее засунул руки в карманы.

– Пойдем, Лева, – Герега коротко потер ручки, – пойдем. Поскорее. А потом – работать.

– Куда пойдем? – Лев Семенович даже попытался чуть притормозить.

– Вон, видишь? – Герега кивнул круглой береткой в сторону порта, где сиял на приколе огнями белый теплоход. Другие огни плясали под ним в темной воде – праздник, отдых, дальнейшее путешествие в страны, где нет Гереги. Льву Семеновичу даже показалось, что оттуда, с теплохода, мокрый ветер донес нежную танцевальную музыку.

– Зачем в порт? – робко спросил он.

– А затем, мой дорогой, что на морвокзале есть такой бар, на третьем этаже, а в баре такой бармен Рома, он делает потрясающие совершенно шейки, ну, коктейли, с яичным желтком, никто больше таких не делает. Так что мы с тобой посидим, кофе возьмем, по коктейлю выпьем....

Обошлось. Бар – это еще туда-сюда. Но, на всякий случай, он выразил робкое недовольство.

– Но ведь... диссертация...

– Там и обсудим. Пойдем-пойдем!

И потащил Льва Семеновича за рукав к сверкающему, прозрачному зданию морвокзала. Но, когда тот уже направился было к эскалатору, округло хохотнув, вновь потянул его за руку.

– Погоди, Левушка! Еще буквально полчаса... И – в бар!

Белый теплоход у причала сиял круглыми иллюминаторами и палубными витринами так близко, что уже не только музыка слышалась, но и скрип канатов, тершихся о чугунные причальные бухты.

– Зачем мы здесь? – с тоской произнес Лев Семенович. Нет, не обошлось...

– Надо, – значительно ответил Герега. – Левушка, у тебя удостоверение с собой?

– Какое?

– Служебное, разумеется! Давай, давай, давай его сюда! – Он подпрыгивал от нетерпения, но тут же стал очень значительным, как-то выше ростом и квадратнее, и, неторопливо взяв Льва Семеновича под руку, подошел к трапу, величественно кивнув вахтенному.

– Вы куда? – Вахтенный попробовал преградить им дорогу.

– Санитарная инспекция, – веско сказал Герега, держа руку Льва Семеновича с развернутым удостоверением, – позови, дружок, кого-нибудь из командного состава... Нету? На берегу? Непорядок, непорядок... тогда сам проводи... Не можешь пост оставить, да? Ну, ничего, мы сами.

И он величественно проследовал внутрь.

Лев Семенович поплелся за ним.

* * *

– Мама, ты спишь?

Старуха приоткрыла один глаз и посмотрела на Елену Сергеевну. Черный рот был приоткрыт. Поэтому она сначала закрыла его, потом вновь открыла:

– Нет.

– Как ты себя чувствуешь?

– На горшок хочу, – сказала мама.

Елена Сергеевна наклонилась и выдвинула из-под кровати судно, положила его под бок старухи.

– Приподнимись, мама... ну давай же, не ленись.

Не вини себя, подумала Петрищенко, это же естественно, то есть животные всегда огрызаются на больных и слабых, это природный инстинкт, я не должна себя за это упрекать, в диких племенах стариков вообще бросают или просто съедают... Но я, как мыслящий человек, контролирую себя.

Старухе на мгновение удалось выгнуться тощими бедрами, и Петрищенко ловко подставила судно под ягодицы. Почему мама? Почему не папа? С ним бы она не так раздражалась. Но женщины живучие. Папа ее любил, свою девочку, а вот мама стеснялась. Тогда в этой кафешке, в Ялте... До сих пор ведь помню. Сколько мне тогда было? Пять? Шесть? Красивый ребенок – подтверждение полноценности женщины. Есть чем похвастаться перед подругами. Как она крича-

ла тогда, боже мой, как она на меня кричала... Елена Сергеевна почувствовала, как рот ее сам собой сжался в тонкую ниточку.

– Я покакала, – сказала мама игривым голосом маленькой девочки.

– Очень хорошо, – устало отозвалась Елена Сергеевна и достала из пакета свежую марлевую пеленку. – Приподнись на минутку. Сейчас я тебя поверну на бок.

– А где китаец? – забеспокоилась мама. – Ушел китаец?

– Какой китаец?

– Твой муж новый. При нем неловко...

– Нет, мама, никакого китайца.

– А куда же он делся?

Окружающая действительность у мамы сжалась до узкого светового конуса: выцветшие обои, коврик, уголок книжной полки... Рожденные сумеречным мозгом образы были гораздо ярче и полнокровнее.

– Ушел, – сухо сказала Петрищенко.

– Я так и знала! И этот ушел! – Мама торжествовала. – Даже китаец, и тот!

Петрищенко плотнее сжала губы.

– Ты ни одного мужчину не умеешь удержать. И в кого ты такая? Меня в молодости на руках носили. Помнишь, ну, ту фотографию, Ялта, ну?

– Очень хорошо помню, – сказала Петрищенко.

Она протерла старухе ягодицы, выбросила скомканную

бумажку в судно, перекатила маму на бок и одернула на ней ночную рубашку. Потом, осторожно ступая, вышла, неся судно перед собой, вылила содержимое в унитаз, вымыла руки, прошла в кухню, достала из кошелки две банки сгущенки, пакет гречки, плоскую баночку шпрот и высокую – с горбушей.

В этот раз заказ был беднее, чем в прошлый. Интересно, к празднику какой будет?

В раковине валялась грязная кастрюля. Петрищенко пустила воду и подвинула кастрюлю под струю. Села, подперла рукой щеку и стала смотреть, как вода, ударяя в эмалированное дно, разбивается мелким гейзером.

– Мама, ты чего?

Петрищенко вздрогнула.

– Сидишь в темноте.

– Задумалась, – виновато сказала Петрищенко, спохватываясь, что до сих пор не переделалась в домашнее. Даже туфли не сняла. Туфли лаковые, черные, тяжелые. Ноги у нее последнее время к вечеру опухают, вот что.

– Ты меня напугала. Включаю свет и вижу...

– Ну, я нечаянно... Ты почему посуду не помыла, Лялька?

– Времени не было, – надменно сказала дочь, – у нас языковая практика. Как бабушка?

– Бабушка покакала. И имей в виду, я вышла замуж за китайца.

– Как? – неприязненно удивилась дочь. – Когда?

– Да никак. Бабушке так показалось.

– Все шутишь?

– Я заказ принесла, – виновато сказала Петрищенко, поскольку Лялька уже начала раздражаться. Она всегда раздражалась, даже когда ничего не происходило.

– Я худею, – сухо сказала дочка.

– И правда, не помешает, – согласилась Петрищенко.

Лялька мрачно посмотрела на нее и вышла из кухни, хлопнув дверью.

Господи, уныло думала Петрищенко, до чего ж нехороша. Вся в меня. Да еще характер этот ужасный. Ну, как можно с такой внешностью иметь еще и такой ужасный характер? Неудивительно, что этот Вова больше не звонит... Ох, да что же это я, хуже мамы, честное слово!

Она выглянула из кухни. Дочка стояла перед молчащим телефоном.

– Лялька, – сказала Петрищенко неестественно веселым голосом, – а давай... устроим тоже праздник, что ли? Напечем пирожков, откроем шпроты. Или ту банку икры, которую мы к праздникам зажухали? Позовем кого-нибудь.

Дочка, обернувшись, неподвижно смотрела перед собой.

– Кого позовем, мама? – сказала она высоким тонким голосом. – Кого позовем?

Знаменитый коктейль с сырым желтком проскользнул внутрь, не оставив следа, а черный кофе был безвкусным. Лев Семенович возвращался пешком просто потому, что ему надо было пройтись... привести в порядок мысли... вообще, отдышаться. Он брел по лужам, неподвижно глядя перед собой и шевеля губами. Как Герега, вальяжно переваливаясь, потребовал у кока провести их на камбуз, чтобы посмотреть, насколько соблюдаются правила гигиены и санитарии! Как прошли они в столовую сначала для комсостава, потом для пассажиров, и как Герега придирчиво разглядывал белейшие льняные скатерти и накрахмаленные салфетки! Как в буфете, отослав под каким-то предлогом сопровождающего, смел в свой обширный портфель из-за барной стойки несколько бутылок коньяку и банки красной икры, при этом лицо его, закрытое черными очками, оставалось деловито-непроницаемым...

Боже мой, если кто узнает!

Успокойся, сказал он сам себе, «Аджария» завтра с утра уходит, на ней делегация от профсоюзов и артисты, там все по первому разряду, а когда бармен недосчитается коньяку, он не станет поднимать шум, потому что первым делом, естественно, подумают на него же, коньяк вообще имеет свойство испаряться, ну, разбавит низкосортным, после очеред-

ной рюмки никто уже и не замечает вкуса выпивки... ничего, ничего страшного, бармены ведь всегда крадут, зачем иначе бы они ходили на внутренних-то линиях.

Лев Семенович с тоской смотрел в темноту. Море за парком, за черными деревьями его почти не различишь, но ощущаешь, как оно дышит, ворочается там, в ночи, все эти воздушные массы, холодные рваные облака, вытягивающиеся вдоль воздушных течений, рассыпчатые нитки перелетных птиц, как они только не боятся вот так, над черной водой! Наверное, все-таки есть утиный бог, который отвечает за то, чтобы их перелеты проходили без особых потерь. А есть еще и совсем маленькие птицы, крохотные, ныряющие в воздухе комочки, сердце, одетое взъерошенными перьями. Даже бабочки, и все они летят над морем, и страхи их просты и достойны – не намочить крылья, не ослабнуть, не упасть, долететь...

Бог маленьких животных, перепуганных слабых существ, быть может, он обратит свое благосклонное внимание и на него, на Льва Семеновича, который в мировом опасном масштабе тоже маленький и слабый. Он отчетливо почему-то вспомнил, как был ребенком и болел ангиной, и неизвестно почему встал ночью с кровати и подошел к окну, и в фонаре падал снег, и снег этот падал с огромного неба, на огромную землю, до самого горизонта все белое и пустое, до самого дальнего Северного моря, до льдов Северного полюса, и он, Лева, стоит в самом центре этого хрустального шара, а мир

вокруг сжимается, пульсирует, точно огромное сердце, и давит, давит со всех сторон...

На миг собственные его проблемы показались ему незначительными. Ничего, думал Лев Семенович, ничего, я позвоню завтра Ледке, вот так – возьму и позвоню, это, в конце концов, не смертельно, и вообще, ничего особенного, сильные думают, что судьба на их стороне, но на самом деле есть особый бог, он покровительствует слабым, потому что слабые – основа жизни, ее сила.

Он вздрогнул, вспомнив, как Герега смотрел на него – смотрел черными стеклами очков, которые он не снял даже в полутемном баре.

– А теперь, Левушка, – весело сказал Герега, раскрывая все тот же пухлый портфель и доставая из него кожаную, с клапаном-застежкой папку, – займемся твоей диссертацией.

* * *

– Тебе сессун сделать или гарсон?

Розка пошевелила укутанными простыней плечами.

– Боб.

Розке хотелось маленькую круглую голову. В «Работнице» недавно была заметка «Химия или маленькая головка?». Химию Розка уже пробовала. Что она только не пробовала, даже перья! И ни разу облик в зеркале не совпал с ее внутренним представлением о себе. Вернее, о том, какой она,

Розка, хотела бы себя видеть.

– Боб нам еще не давали, – созналась Скиба, – а гарсон мы уже проходили. Давай, я тебе лучше гарсон сделаю. Хотя вообще-то тоже сложная стрижка.

– А гарсон ты точно умеешь? – засомневалась Розка.

– Не бойсь. – Скиба взмахнула ножницами прямо у Розкиного глаза. Розка еле успела отпрянуть.

– Да не дергайся ты... Ты как, поступила?

– Не-а, – Розка покрутила головой, поскольку Скибины ножницы лязгнули возле уха. – Балл недобрала. Всего балл, представляешь?

– Обидно, – равнодушно согласилась Скиба.

– Ничего, – сказала Розка не менее равнодушно, – год отработаю, и на вечерний. Работа не бей лежачего. В Пароходстве, представляешь? Там иностранные специалисты приезжают по обмену, потом моряки, командный состав... а я переводчиком...

– Да ну! – Скиба снова лязгнула ножницами, и Розка благодарно замолчала. Но долго молчать у нее не получалось.

– А Кисель в медучилище поступила, знаешь? Говорит, если с отличием закончить, то в мед без экзаменов принимают...

– Да ну?

– Какая-то ты, Скиба, равнодушная...

– А мне чего, – Скиба в зеркале пожала плечами над Розкиной головой, – у меня профессия на руках... Еще полгода,

и ко мне запись будет, а твоя Кисель так и будет мочу палочкой мешать. А ты, Белкина, все врешь, кстати. Я знаю, ты в СЭС работаешь. Тоже мочу палочкой мешаешь.

– А ты откуда знаешь? – Розка насторожилась. Скиба, похоже, уже переместилась в тайное общество взрослых, где все всё знают, и про нее, Розку, в том числе. А она ни про кого ничего...

– Твоя Петрищенко со своей Лялькой с нами на одной площадке живут. Слушай, чего говорят, если она хочет новую тряпку, а мама говорит, что, мол, денег сейчас нет, она становится на подоконник и угрожает, что вниз бросится.

– Кто? Петрищенко? – Розка не выдержала и удивилась.

– Да Лялька же. Она и говорит, взяли тут одну... Тебя то есть.

– Лялька?

– Нет, Петрищенко. У тебя фамилия такая, Белкина, издалека видно. Так что нашла кому голову дурить. Командный состав, командный состав... И чего было из кожи вон лезть, спрашивается? Высовывалась, руку тянула...

– Я не мочу, – защищалась Розка.

– Так еще что похуже. Умнее всех быть захотела, да?

Розке стало совсем горько и обидно. Захотелось встать, содрать проклятую простыню и уйти, но тогда сразу будет понятно, что Скиба ее достала, а такого удовольствия доставлять не хотелось. Она стала раздумывать, как бы ответно уесть Скибу, но Скиба была здоровая и наглая, Розка ее по-

баивалась. Тогда она жалостно подумала, что вот, она, Розка, сейчас уйдет, а Скиба останется. Будет дышать лаком и обрезаками волос и заработает себе астму, изо всех сил сочувствовала Розка, а на ногах начнут проступать вены. Бедная, бедная Скиба!

Пахло липким лаком для волос и еще чем-то неопределенным, но неприятным. Рядом с креслом тетка в синем халате сметала шваброй в совок состриженные волосы.

Отобрать бы эти волосы у тетки и сжечь. Нехорошо, когда часть тебя болтается где-то в мусорном ящике.

Но тетка, наверное, удивится. Скиба тоже удивится и утвердится в мысли, что у Розки не все дома.

Ножницы опять щелкнули у виска, потом Скиба отложила их и взяла в руки опасную бритву. Розка зажмурилась.

Сзади по шее прошло прохладное лезвие. Потом оно ушло, а холод остался.

– Ну вот, – Скиба щеточкой пощекотала Розкину шею. – Укладка? Лак?

– Нет-нет, – Розка испуганно потянула у горла простыню вниз. Девичья головка с аккуратно уложенными волосами укоризненно смотрела на нее с выцветшей фотографии на стене.

– Тогда иди, сушишь, – индифферентно сказала Скиба.

Розка взяла свою сумочку, висевшую рядом на загнутом рожке вешалки, и проследовала в каморку, где стояли три колпака. С одной стороны, Скиба может подумать, что Розка

ей не доверяет. С другой, кто-то ведь мимоходом, выходя, может просто прихватить с собой её сумочку, а Скиба и ухом не поведет. Пусть лучше обижается...

Она переступила через толстые ноги толстой тетки в первом кресле, потом через тощие ноги толстой тетки во втором кресле, устроилась на потертом дерматиновом сиденье, сунула голову в сушилку и рукой нащупала выключатель на колпаке. В затылок ударила волна теплого воздуха, в ушах зашумело.

Дать Скибе на чай или не дать? Если не дать, неловко, потому что так положено, если дать, то получится, что из школьной подружки Скиба для Розки превратилась теперь в парикмахершу. Обслужу. Хотя они, честно говоря, не дружили никогда, Скиба всегда была такая – громкоголосая, нахальная и, как бы это помягче сказать... не очень умная?

А если дать на чай, то сколько?

Розка выключила сушилку и попробовала откинуть колпак, но не сумела. То ли колпак застрял, то ли Розка не знала, куда нажимать. Она сложилась пополам и вылезла. Тетки продолжали сидеть. Вопрос «химия или маленькая головка» они решили в пользу химии. На голову одной были накручены крупные бигуди, на голову другой – мелкие, баранчиком.

– Все? – спросила Скиба, она сидела в парикмахерском кресле и щипчиками загибала себе ресницы. – Ладно, садись.

И неохотно поднялась.

– Ты только расчеши, и все. – Розка уселась в кресло, оно еще было теплое от Скибиного зада.

Из зеркала на нее смотрело знакомое лицо. Прическа топорщилась над ушами.

– С этой стороны короче получилось, – деловито сказала Скиба, – надо подровнять.

Она вновь накинула на Розку грязноватую простыню и щелкнула ножницами около уха. Потом вновь скептически поглядела на Розкино отражение.

Отражение укоризненно моргало на нее из зеркала.

– Тебе под мальчика не идет, – печально констатировала Скиба.

Боже мой, тоскливо подумала Розка, она же меня нарочно изуродовала. Терпеть не может, вот и изуродовала...

– Сколько с меня? – покорно спросила она.

– Три двадцать. И еще укладка. Семьдесят копеек.

Розка положила на квитанцию пять рублей. Скиба сгребла их и сунула в карман несвежего халата.

– Тебе, кстати, плащ не нужен? – спросила она дружелюбно. – Хороший плащ, польский. С погончиками. И недорого. Алла продает, из стоматологии.

– Нет, я пальто купила уже. Чешское.

– Твое, что ли, там висит?

– Ага.

– Где брала?

– У тети Вали, на почте.

– Попроси, чтобы она мне тоже отложила.

– У нее твоего размера нет, – с удовольствием сказала Розка.

* * *

– Личность установлена? – спросил лейтенант.

– Вот, – старший патрульный, заслоняясь от мокрого ветра, протянул потертую на углах зеленую книжечку, – пропуск на территорию порта. Мунтян Петр Михайлович. Машинист автокара.

Патрульный продрог и отсырел, пока стоял тут, ожидая наряда, и еще ему почему-то было страшно. Он много чего повидал в жизни и причины своего страха не понимал.

– Ладно, – лейтенант спрятал пропуск в планшетку. – Думаешь, по пьяни он? Сам?

Тени черных веток метались по лицу мертвого, отчего казалось, что тот гримасничает. Вдалеке, внизу, в черной мешанине воды и неба надрывался ревун.

– Может, и сам... – Патрульный пытался раскурить сырую сигарету. – А только, ежкин кот, трудно представить, кем надо быть, чтобы так исхитриться. То есть... Ну, следака надо вызывать. Ты только погляди, Палыч...

Он отбросил сигарету, которая, упав в лужу, зашипела и погасла, и осветил фонариком. Лейтенант, всмотревшись, ошеломленно покачал головой.

– Йопт, – потрясенно проговорил он, – что это у него с ногами?

* * *

– Ты зря постриглась, золотко, – сказала Катюша, доброжелательно глядя на Розку, – тебе не идет.

Розка молча скрипнула зубами.

Делать было совершенно нечего, замечательная «Ятрань» так и стояла под чехлом, снаружи сиял торжествующий солнечный день, отчего стало видно, что стекло в окне мутное и пыльное. Вообще, подумала Розка, когда погода плохая, здесь даже уютно, а когда солнце, сразу видно, что беспорядок и комната нежилая, все эти чашки со следами заварки, эти поцарапанные столы, календарь, который выцвел и пожелтел на уголках, а в паутине под потолком еще с лета завязла муха.

Розка прихватила с собой «Анжелику в Новом Свете», которую ей под честное слово дала Элка, но читать не получалось. Катюша так и зыркала на нее, и на Розку напала тоска бездействия, хуже нет, когда нечем заняться. Чтобы хорошенько помучить человека, надо его посадить в такую вот контору и запретить что-либо делать, подумала Розка. Потом все-таки достала Бонка и стала читать текст. Учебник все-таки, как-то не так неловко, вроде бы человек делом занят, хотя, если вдуматься, каким делом?

– Ты где стриглась-то?

– На Пироговской, на углу, – неохотно ответила Розка. Внимание Катюши ее раздражало.

– Та женщина, что тебя стригла, золотко, – Катюша достала из ящика пузырек с розовым лаком, взболтала его и стала задумчиво красить ногти; на Розку она больше не глядела, – молодая, крашеная, на тебя какое-то зло таит. Ты держись от нее подальше, золотко.

Розка молча пожала плечами. Скиба на нее зло таит? Ну да, было дело, они даже дрались в классе пятом, кажется, или четвертом. Но вообще за что Скибе на нее злиться? Розка ей всегда давала списать и на выпускных подсказала, когда та запуталась в общественных формациях. Откуда, правда, Катюша знает, что Скиба крашеная? С другой стороны, все парикмахерши крашеные, им импортную краску выдают, они все на себе пробуют.

– Бывает так, – Катюша растопырила пальчики и разглядывала их, склоняя попеременно голову то на один бок, то на другой, – ты к человеку хорошо, а он тебя не любит. Кавалера ты у нее не отбивала, кусок хлеба не отнимала... А она все равно тебе зла желает. И почему, спрашивается? Ты к ней со всей душой, а она...

«Что она несет?» – тихо недоумевала Розка. Почему-то ей было неприятно.

– Да вовсе нет, – с досадой сказала она, из принципа защищая зловредную Скибу, – у нас нормальные отношения...

вообще...

– Одноклассница, – задумчиво продолжала Катюша, – может, ты сильно умная была, золотко? Выскакивала вперед все время? Тебя вообще в классе любили, нет?

Розка почувствовала, как у нее краснеют уши. Встать, уйти, чтобы доставить этим Катюше еще одно удовольствие? Или уверять, что ничего подобного? На самом деле, конечно, были такие, кто Розку недолюбливал, но ведь были и нормальные люди, которые к ней относились вполне себе ничего.

– А вам какое дело? – спросила она злобным придушенным голосом.

– Да никакого. Вот хочешь, погадаю тебе.

– Нет, – на всякий случай сказала Розка.

– На любовь погадаю. На судьбу. Ты ж молодая, лапушка.

Разве не интересно?

Розка замялась. Катюша ей радикально не нравилась. С другой стороны, ей и правда было интересно. Розка всегда считала, что во всем этом, в гадании и прочих тому подобных вещах, что-то есть.

– А вы умеете? – спросила она на всякий случай.

– Меня, золотко, еще бабушка научила, земля ей пухом.

А уж она умела!

– А на чем? По руке?

«Хиромантию и графологию» Розка успела изучить основательно и знала, что бугор Венеры у нее плосковат, а вот

в конце линии головы – очень примечательная такая звезда, обещающая славу и народное признание. Линия жизни на правой руке была ничего, глубокая, четкая, а на левой почему-то двоилась, рядом с основной шла еще одна, тоненькая, бледная и призрачная. Что это значило, Розка так и не поняла.

Катюша чуть прищурилась и оглядела Розку. Взгляд был неприятный, словно она ставила Розке диагноз.

– По руке гадают на жизнь. А на судьбу по картам. Вот мы карты разложим...

– А...

Розку один раз у вокзала обобрала цыганка. Как это получилось, непонятно. Катюша светленькая и на цыганку вовсе не похожа, но все равно что-то Розку настораживало.

Она мне нагадает какую-нибудь гадость, а та вдруг возьмет и сбудется? А если бы не нагадала, то ничего бы и не было. Может такое быть? Розка не знала. Но отказываться было поздно, Катюша достала из ящика стола пачку затрепанных карт с клетчатыми рубашками. Помимо карт у нее в столе лежал клубок розового мохера с воткнутыми спицами.

Розке захотелось показать свою осведомленность.

– А это не Таро?

– Это они там у себя Таро пускай раскладывают, – неопределенно ответила Катюша, – а нам и это подойдет. Ты будешь дама трефовая, крестовая дама будешь. На что тебе? На судьбу? На суженого? На желание? Или на все?

– На все, – на всякий случай сказала Розка.

– Богаделенку? Цыганку?

Она деловито тасовала колоду, время от времени придерживая ее пухлыми пальчиками и замирая, словно прощупывая карты с изнанки.

– Мы, лапушка, люди простые. Это у них арканы, повешенные там всякие. А у нас что, – приговаривала она тем временем, – дальняя дорога, казенный дом. Богаделенку? Цыганку?

– Цыганку, – неуверенно сказала Розка, поскольку слово «богаделенка» звучало гаденько. Что-то в нем чудилось такое...

– Тогданими вот.

Розка послушно сняла, потом придвинула стул и села, выглядывая из-за Катюшиной спины. Карты ложились кучками на исцарапанную столешницу.

– Прошлое твое незавидно, солнышко, – говорила Катюша, быстро толкая карты пальчиками, – вот, гляди, дама пик, король треф и десятка треф. Из-за прошлых дел неприятности с пожилыми людьми. В институт поступала? Кто у тебя экзамены принимал? Вот видишь! А в результате в жизни твоей настала крупная перемена.

– К лучшему? – с надеждой спросила Розка.

– Не скажу, что к лучшему. Просто перемена. А вот настоящее у тебя ну...

– Ну?

– Малые деньги, веселая компания и еще...

Она задумалась, на гладком лбу легла горизонтальная морщинка.

–хлопоты. Напрасные хлопоты... Это что-то с казенным домом связано. И малые деньги, и веселая компания.

Откуда тут веселая компания, удивилась Розка. Катюша, что ли, веселая компания?

– На сердце у тебя... ну есть у тебя трефовый король, немолодой, но веселый, не очень богатый, но так... какой-то свободной профессии король. Артист? Художник?

Она вопросительно взглянула на Розку.

– Ну, – Розка прикусила губу, – художник...

– Ты с ним, лапушка, не водись, – ласково пропела Катюша, – у него таких, как ты... он их голыми пишет. И тебя голой пишет, да, лапушка?

– Не-а, – сказала Розка, красная до ушей. Откуда она знает? Или это потому, что режимная контора? За ней, Розкой, кто-то исподтишка следит, а Катюша знает... Чтобы она, Розка, не выдала страшные секреты зарубежной разведке, которой не спится.

– Ну не пишет, а завтра предложит. Давай, скажет, я тебя напишу... голенькой, ну...

– Нью, – выдавила Розка.

– А ты не соглашайся, лапушка. Он тебя обманет. Вообще завтра к нему не ходи.

– Почему?

– А не до тебя ему завтра. Вот ты злишься на меня, я же вижу, злишься, а я тебе хорошего хочу. Еще один есть, он бубновый. Молодой. Только не выйдет у тебя с ним. И не надейся.

Розка искоса взглянула на Катюшу. Катюша покраснела. На щеках горели два круглых пятна, голубые глаза подернулись слезой.

– Это гадание, – сказала она сквозь зубы, – ерунда какая-то.

– И художник ерунда? – дружелюбно уточнила Катюша. – Вон как покраснела-то.

Розка почувствовала, что краснеет дальше, совсем уж неудержимо. И чего, спрашивается.

– Ладно, – смилостивилась Катюша, – давай на будущее посмотрим. Вот это у нас что? Это...

Она замолчала.

Розка вытянула шею, заглядывая в карты.

Два туза. Пиковый и трефовый¹. Это же хорошо, что тузы, подумала Розка, что-то большое и важное.

У Катюши глаза были совсем пустые, розовая губа прикушена, как автомат она смешала карты и начала раскладывать опять.

– А что... – спросила Розка, но Катюша не слушала. Она

¹ Туз пик концом вниз – тяжелая болезнь, смерть; концом вверх – крупная неприятность, связанная с работой; Туз трэф концом вниз означает испуг и неприятности по работе, концом вверх – крупный обман, подлог или воровство.

выкладывала карты быстро и бесшумно, картонные прямоугольнички мелькали в воздухе, Розка не успевала смотреть. Катюша при этом стеклянно глядела перед собой, в окне переливался и торжествующе трубил солнечный осенний день.

Наконец карты легли вновь, причудливой розеткой, наподобие бабушкиного пасьянса «Гробница Наполеона». Розка заглянула в них, но ничего не поняла, а Катюша, напротив, водила по атласной поверхности пальчиком с облупившимся розовым маникюром и что-то шептала.

– А? – снова шепотом произнесла Розка. Ей сделалось страшно, словно ни с того ни с сего заговорила кошка. В углу в паутине дергалась некстати проснувшаяся муха.

– Добрый день. – Петрищенко сняла пальто, и Розка увидела, что у нее опять из-под юбки торчит комбинация. И чулок перекручен. – Катюша, чем вы тут занимаетесь?

– Да так. – Катюша ловкими пухлыми руками смешала карты.

– Опять? Я же просила, Катюша...

– Она сама, – сказала Катюша и в упор поглядела на Розку. Розка издала неопределенный звук.

– Сама попросила карты разложить? Роза, ты просила?

Розка уставилась в пол. Скажешь «нет», получится, будто она доносчица какая-то. Розка еще со школы усвоила, что ябедничать нехорошо. Но вот, она старалась вести себя честно, а Катюша играла не по правилам, нечестно, и ничего, получалось – все преимущества на стороне Катюши.

– Чтобы этого больше не было, – сказала Петрищенко и решительным мужским шагом прошла в кабинет.

«Сказать Катюше, что нехорошо же так? – мучилась про себя Розка. – Или сделать вид, что вообще ничего не было?»

Она еще немного помялась у Катюши за плечом, но та сложила карты стопочкой и убрала в стол.

– Все, – сказала Катюша весело, – сеанс окончен. А ты бы, золотко, окно помыла. Пока вон погода золотая стоит. Помыть и на зиму заклеить. А то скоро холода, и с моря дует, аж спину ломит.

– Не буду, – сказала Розка сквозь зубы.

– Это почему? – весело удивилась Катюша.

– Я не уборщица, – выпалила Розка, чувствуя, как ее заливает краска.

– А кто же ты? – подняла бровки Катюша.

– Я... переводчик!

– Тоже мне переводчик. – Катюша порылась в ящике и достала розовое вязание. – Тебя зачем, думаешь, взяли? Тебя взяли место придержать. Регинка в декрет ушла, вот тебя и взяли. И скажи спасибо, лапочка, сюда так просто не берут.

– Катюша, – раздался из-за двери голос Петрищенко, – подойди ко мне, пожалуйста!

– Сейчас, Елена Сергевна! – сладко пропела Катюша и пухлым боком стала выбираться из-за стола.

Розка поймала себя на том, что так и стоит, приоткрыв рот. Она с лязгом свела зубы и уселась на рабочее место.

«Ятрань» под чехлом уже начала подергиваться пылью. Розка провела по ней рукой, но «Ятрань» не отозвалась, словно спала или умерла. И Розке вдруг стало тоскливо и одиноко, словно кроме нее больше никого-никого не было в этом страшном и пустом мире.

Она оглядела комнату. Муха в паутине билась и жужжала. Розка встала и, вытянувшись, на цыпочках, оборвала паутину ребром ладони. Потом натянула зелененькое пальто и вышла.

Дорога от порта была бессмысленная и длинная, короткая тень плясала перед Розкой, билась круглой головой о выбоины асфальта, свет расплывался в глазах и играл на ресницах, и знаменитая лестница, росшая в небо, тоже расплывалась и плясала в синем веселом воздухе.

Розка, впрочем, предпочла эскалатор, и теперь медленно ползла наверх мимо подвешенных в небе, перекрученных стручков акаций.

На площади перед лестницей она купила сливочный пломбир в вафельном стаканчике и, чтобы хотя бы немного развеселиться, яростно вонзила в него зубы. Зубы тут же заломило. Она заглотнула крупный кусок мороженого и шмыгнула носом.

На скамейках сидели довольные девки с колясками, старушки в сдвинутых набок мохеровых шапках кормили голубей, никому не было дела до нее, Розки.

Особенно противный парень в штормовке и высокогор-

лом свитере нагло рассматривал ее узкими глазами. Розке казалось, она его где-то видела. Вот сейчас скажет: «Такая красивая девушка, и плачет!»

– Такая красивая девушка, и плачет, – сказал парень.

Розка оскалилась. Зубы опять заболели, все сразу.

– Ну, не очень красивая, – сказал парень, оценивающе окинув ее взглядом, – но в общем симпатичная. Стрижка только так себе. Кто тебя стриг?

– Что ты понимаешь, дурак, – холодно сказала Розка, – это в Париже так носят. Последняя модель.

– Тот, кто тебя постриг, – продолжал парень, не дав себя сбить, – очень тебя не любит. А ты небось на чай дала. Признавайся, дала, нет?

Розка почувствовала, как у нее малиновым цветом наливаются уши. Сговорились сегодня все, что ли?

– А хочешь, я тебе страшное скажу. – Парень не хотел отвязываться, и Розка, к которой привязывались достаточно редко, заколебалась между открытым хамством и некоторым хамством, но скрытым поощрением.

– Ну, чего еще? – спросила она мрачно, так до конца и не определившись.

– Открою тебе страшную тайну. Хочешь, угадаю, как тебя зовут.

– Ну? – неуверенно сказала Розка. С ее именем попасть в точку было практически невозможно. Розке оставалось только надеяться, что покойной тете Розе отольется на том свете.

– Ну, вот я вижу, что совершенно определенно, цветок. – Парень закрыл глаза и начал двигать перед собой руками. – Маргарита? Нет, определенно нет... Лиля? Нет, это так вульгарно. Роза! Точно, Роза. В самую точку. Ваша аура, все переплетение тонких энергий, все говорит в пользу Розы. Признавайтесь.

– Дурак, – сказала Розка, вся красная.

– Хочешь, фамилию отгадаю? Определенно, что-то связанное с животным.

– Дурак, – тупо повторила Розка. Она вспомнила, где видела парня.

– А вот и не угадала, – сказал парень весело. – Меня зовут Вася. А ты Розка Белкина, работаешь в СЭС-2. И я работаю в СЭС-2.

– Что-то я тебя там не видела, – мрачно сказала Розка.

– А я молодой специалист, человек вольный, – парень подумал и позвенел мелочью в кармане, – безответственный. Вот куплю-ка я себе мороженого.

Он улыбнулся угрюмой мороженщице, и та улыбнулась в ответ.

– Вон, скамейка освободилась, пойдем сядем.

На скамейке лежало несколько желтых листьев, и Вася смахнул их рукой.

– Садись, Розалия, – он сделал широкий жест, включивший в себя скамейку, несколько голубей и две маленькие лужи.

– Я не Розалия, – возразила Розка, – я просто Роза.

Вафельное доньшко у ее стаканчика уже начало подтекать, и она боялась, что струйка липкого мороженого побежит за рукав пальто.

– И очень зря, – сказал парень, – Розалия гораздо симпатичнее. В этом есть что-то величественное.

– Ну и глупо.

– Твоя речь, Розалия, – парень развернул пломбир и аккуратно кинул бумажку в урну, – страдает однообразием. Ну и как тебе работается, Розалия?

Розка пожала плечами.

– Никак.

– А, – Вася с удовольствием откусил от мороженого, – обманули тебя, да, Розалия? Пообещали рост профессиональной квалификации и все такое. А ты сидишь, бумажки перебираешь, ага? Окна мыть еще не заставляли?

Розка издала неопределенный звук.

– Тебя пугает моя пронизательность, – сказал Вася, – но вынужден тебя разочаровать. Меня тоже пытались заставить мыть окна. Только весной. Я вымыл. Заметила, наши окна – самые чистые окна в мире? Ну, по крайней мере, в СЭС. Потому что наши соседи, коротко именуемые Чашками Петри, вообще не моют окон. И вообще, Розалия, вынужден тебя предупредить. Временами из окошечка в дверях, ведущих в странную маленькую комнатку, именуемую боксом, у них льется странный неземной свет.

– Это кварцевая лампа, – сказала Розка авторитетно, – она для стерилизации.

– Как ты думаешь, что они там стерилизуют, Розалия? – Парень откусил еще мороженое и закатил узкие глаза. – Ох, не к добру это. Ты, кстати, на учет встала? Не встала. Подозреваю, даже еще не снялась.

– Комсомольский? Я не знаю, кому карточку сдавать.

– Мне, – сказал парень и вытер руки о штормовку, – я, будучи единственным лицом комсомольского возраста, автоматически являюсь комсоргом строения 5/15 А. Правда, есть еще Лилька из СЭС, но ей нельзя доверять. Она женщина. Ее легко может перевербовать какой-нибудь красивый и опасный иностранец. И он сразу узнает, что комсомольские взносы у нас сдаются нерегулярно. К сожалению. Потом, у нее, как я уже сказал, вульгарное имя. Женщина с именем Лилия – и комсорг? Согласись, в этом есть что-то неправильное. Ты что читаешь? Надеюсь, не «Алые паруса»?

Розка окончательно сбилась с толку.

– Нет, – сказала она неуверенно.

Вася одобрительно кивнул.

– Главное, не читать «Алые паруса». Погляди вон туда, Розалия.

Розка покосилась на соседнюю скамейку.

Страшная старуха с подведенными глазами, с распущенными волосами, в белом платье до щиколоток, выглядывающем из-под драпового пальто, сидела там, на ее коленях

лежала книжка, прикрытая сморщенной рукой, и длинный тонкий узловатый палец с длинным тонким желтоватым ногтем закладывал страницу. Старуха смотрела опухшими глазами в сторону моря.

– Она читала «Алые паруса», – печальным шепотом сказал Вася, – она так и не дождалась своего Грея.

– Ой, – сказала Розка.

– Сначала она была совсем маленькой, лет восьми, потом ей было четырнадцать, – продолжал Вася, обгрызая вафельный стаканчик, – ну, Грин тогда еще не печатался, кажется. Или нет, как раз еще печатался? В общем, вот она прочла «Алые паруса». Очень неправильная книга, там говорится: если ждать и верить, то оно все получается обязательно. И вот она стала ждать и верить, и ходить сюда, ждать, когда покажется алый парус. И когда за ней ухаживал один серьезный человек, с самыми серьезными намерениями, она даже не заметила этого, а все продолжала ходить на бульвар. И сначала было солнце и акации в цвету, но потом погода вдруг почему-то стала портиться. И сначала ей казалось, что у нее много времени, а потом времени совсем не осталось, но она уже не понимала, что времени совсем не осталось. Тебе дать носовой платок?

– Я не плачу, – сказала Розка, шмыгая носом.

– У тебя мороженое за рукав затекло. – Вася протянул ей сложенный вчетверо, но довольно мятый платок. – А пальто у тебя импортное, с виду ничего, но легко пачкается. И те-

бе придется спарывать пуговицы и сдавать его в химчистку. А потом опять пришивать пуговицы, и ты обязательно пришьешь их криво. Сколько с тебя содрали? Рублей семьдесят?

– Ну...

– И за джинсы где-то так. Шикарно живешь, Розалия. Не по зарплате.

– Не твое дело, – автоматически ответила Розка.

– Поела? Тогда пошли сдаваться. Окна мы с тобой вместе помоем, заодно Катюшу выкурим, она не любит, когда дует, сразу домой смоемся.

– Это не мое...

– Дело? А у тебя вообще никаких дел нет, – неожиданно сухо сказал парень, но тут же смягчился: – Пошли-пошли. Окна вымоем, я тебя пообедать свожу. Ты нашу столовку видела? Не видела? Какой там компот, знаешь?

При этом он, держа Розку твердой рукой под локоть, неуклонно вел ее вниз по ступеням знаменитой лестницы.

– Пошли-пошли, Розалия, через полчаса дойдем... Ну и липкая же ты, мать.

Розка насупилась и вырвала руку.

– В хорошем смысле.

Розка задумалась, какой тут может быть хороший смысл. Вася сбил ее с толку совершенно, говорить с ним было все равно что идти по кочкам – не знаешь, где навернешься.

– А вот и мы! – жизнерадостно сказал Вася, распахивая дверь. – Я ее уговорил. Она сначала отпиралась, говорила

«нет-нет-нет», я ей говорил «да-да-да», и в конце концов она не устояла. Сейчас будем окна мыть. Лена Сергеевна, вы чего?

* * *

У Лещинского в кабинете вместо Ленина, или там Дзержинского, или Брежнева на худой конец висел портрет Гагарина. Гагарин белозубо улыбался. Петрищенко прикрыла глаза и отвернулась.

Еще в кабинете рос фикус в кадке. Рядом с фикусом на гнутом венском стуле сидел незнакомый человек. А стул, который был свободен, стоял напротив Лещинского и был дико неудобным. Она поерзала, но никак не могла уместиться.

– Вот, – скучным голосом сказал Лещинский, вообще-то мужик неплохой, в столовой всегда пропускавший ее вперед. – Товарищи из уголовного розыска к нам обратились.

Он рукой пододвинул ей стопку фотографий. Петрищенко взяла одну, поглядела и быстро повернула глянецом вниз.

– У нас все в порядке, – она чаще задышала, почувствовала, как на шее проступают красные пятна, и как бы незаметно поправила шарфик, – последнее время вообще... все чисто. С июня чисто, да и там... последствия ликвидированы, все в отчетах есть, я хоть сейчас.

– Значит, упустили, – от голоса Лещинского вполне могло скиснуть молоко, – значить, халатность...

Дурной знак. Лещинский говорил «Значить», подражая

кому-то из покойных вождей. Хуже этого было только, если он вдруг начинал изъясняться в высшей степени интеллигентно. Петрищенко такое слышала только один раз, а человека, с которым тогда Лещинский разговаривал, не видела больше никогда.

– Не могли мы упустить... такое? Нет! Это... ну, маньяк какой-то.

– Ваше, – сказал следователь, – точно ваше. Потому как никакой нормальный человек такого не сотворит.

– Это вы убийц называете нормальными людьми?

Следователь смотрел ей на шею, а значит, красные пятна полезли выше... вот зараза, почему она так легко краснеет?

– Ну какие у нас убийства? – скучным бумажным голосом сказал следователь. – Бытовуха. Уголовщина. По пьяни монтировкой по голове или пером под ребро, вот и все убийства. А всякие там собаки Баскервилей – это, извиняюсь, не по нашему профилю.

Следователь постучал пальцем по фотографиям.

– Инструкция есть. Если что странно, или непонятно, или ни на что не похоже, к вам надо. В общем, так. Зафиксирован случай смерти. По непонятной причине... вы когда-нибудь видели такие ноги?

– Никогда, – твердо ответила Петрищенко, глядя на Лещинского отчаянными глазами. – Но, Вилен Владимирович, мы все четко. Каждое приходящее судно. Все грузы. Без исключения. И ничего подобного! Никогда! Я в первый раз!

– Это вы не мне объясняйте. – Лещинский приподнялся из-за стола, и лицо у него стало такое, что Петрищенко сделалось дурно. – Это вы там будете объяснять. Почему в преддверии Октябрьских праздников. Именно сейчас. Страна готовится к Олимпиаде, а вы тут...

– Я не... – Петрищенко поерзала на неудобном стуле. Нарочно такой стул поставил, зараза. По ноге куда-то вверх, под юбку, пробежала шустрая сороконожка... Опять стрелка пошла. Новые же чулки!

– Я свое место терять не хочу. Поэтому потеряете свое место вы. Если что. Ясно?

– Да. – Петрищенко прикусила губу.

– Товарищ из следственных органов окажет вам посильную помощь. Окажет ведь товарищ?

– Да, – сказал следователь, раздражение его утихло, и теперь ему было жалко Петрищенко. – Мне что? Я всегда... А что нужно-то?

Петрищенко вздохнула.

– В морг нужно, – сказала она, закрывая от омерзения глаза, – или где у вас он там лежит?

– У медэкспертов.

– Пропуск, наверное, нужен. Выпишете?

– На кого?

– На двоих. На меня и на Басаргина. Петрищенко Елена Сергеевна, Басаргин Василий Трофимович. Сегодня поведем. Я только зайду за Басаргиным, и поедем.

– Так я пошел? – Следователь не боялся Лещинского, не таких видел, но в чужие разборки влезать не хотел.

И правильно, мрачно подумала Петрищенко, в жизни следователя приятных моментов мало, зачем еще и чужие неприятности.

– Идите, идите, – дружелюбно сказал Лещинский, и Петрищенко на миг остро позавидовала следователю, – они через полчаса подъедут, вы уж обеспечьте им... А ты, Елена, – продолжал он, когда за следователем захлопнулась дверь, – ты, того... постарайся, все могут полететь... потому что год такой, ответственный. И праздники на носу. Ты тогда не работала, а в 72-м вообще пришлось оцепить область, хорошо, на холеру все свалили. А в СЭС-2 кто тогда сидел? Что с ним стало? Учти!

Праздники на носу... подумала Петрищенко, что-то она хотела... Катюша просила... ах да...

– К праздникам на премиальные представите?

– Какие еще премиальные? С ума сошла?

– Не поймут люди.

– Прекрасно все поймут. Ты распустила их, Елена. На Басаргина, кстати, сигнал поступил. И не первый уже. Твой ведь любимчик, Басаргин-то.

Она опустила глаза, разглядывая кашалотовый зуб на пластиковой подставке. На зубе были выгравированы алые паруса, плохо выгравированы, топорно, но сам зуб ого-го... Тот еще зуб. Какое же должно быть животное, если у него такие

зубы?

– Господь с вами, Вилен Владимирович, какой любимчик? Отработает, и пусть катится на все четыре стороны.

– Ну-ну... безответственный он у тебя.

– Вы хотите, чтобы и не пил и чтобы ответственный, а у нас сами знаете, какая специфика... Где я вам такого найду?

Кто же это стукнул, думала она. Катюша, зараза такая. Стерва, давно уже ждет, когда я поскользнусь. На мое место метит... Ох, не пожелаю я ей оказаться на моем месте. Васька тоже дурень, словно нарочно...

– В общем, значить так, Елена Сергеевна, обстановка, сама знаешь, сложная, я пока наверх не отзвонил. Мало ли, вдруг и правда не ваш. Вдруг провокация какая-нибудь.

– Какая провокация? – тупо спросила она.

– Откуда я знаю. Обстановка, говорю, там, за рубежом, далеко не все довольны, что Олимпиада в Москве планируется. Да и у нас кое-кто не рад, а ты как думала? Так что берите этого своего диссидента и щупайте. Что толку гадать. Но если выяснится, что ваш...

– Да?

– Тогда молитесь, – сказал Лещинский, – или что вы там у себя делаете?

* * *

Холодный коридор с вытертым коричневым линолеумом

казался пустым, хотя на приставных стульях у стены сидели две женщины, старуха и молодая. Старуха молча и беззвучно плакала, молодая сидела прямо, как палка, поправляя черную кружевную косынку...

Ей хотелось встать и уйти. Чужое горе липнет как зараза. Старость тоже – она недавно поймала себя на том, что избегает садиться в общественном транспорте рядом со стариками, словно старость – что-то вроде этой новой американской болезни, о которой ходили всякие страшные слухи: вообще-то смертельно, но если предохраняться, можно избежать.

Окованная железом тяжелая дверь открылась, выглянул мрачный Вася. Поманил кивком головы. Она неохотно поднялась и пошла, зря она надела эти новые, на каблуках, но кто же знал, что придется ехать так далеко...

– Ну что? – спросила она на ходу.

– Наш он, Лена Сергеевна, – сказал Вася неохотно.

– Этого не может быть. – Она вдруг почувствовала приступ головокружения и прислонилась к грязной крашеной стене.

– Сам знаю, Лена Сергеевна, ну нереально это. Не могли мы упустить. Тем более такое. А все-таки наш, к бабке не ходи. В порту работал человек, на автокаре. Удостоверение у него. Дык, сами поглядите.

– Не дыкай, – машинально сказала Петрищенко. – А... очень страшно, Вася, да?

– В общем, да, – честно сказал Вася, – неприятное зрелище. Они сначала думали, ему в костер ноги кто-то совал. Что пытали его... только ни фига. Это вообще не его ноги. Это и не ноги вовсе. Сами посмотрите.

– Ладно, Вася. – Петрищенко глубоко вздохнула, – воздух был холодным липким и вонял формалином. – Пошли.

– Вы вот. В руке держите, Лена Сергеевна. Нюхните, если что. Нашатырь. Мне там этот хмырь дал, а я зажухал. Полезная вещь.

Почему-то ей пришел на ум бункер Гитлера. Наверное, из-за железной двери, откуда отчетливо потянуло холодом. Хотя в бункере же наверняка топили. А тут – цинковые столы, помятые какие-то, и на каждом что-то лежит. Кто-то лежит, поправила себя она, увидев торчащие в разные стороны желтые ступни.

Равнодушный человек в сатиновом синем халате стащил с рук резиновые перчатки, бросил их в ведро и уже начал было разворачивать завтрак, но, завидев их, глотнул, отвернулся к стене и стал изучать календарь.

– Наш вон тот, – дружелюбно подсказал Вася, – крайний.

Петрищенко подошла к столу. Грязноватая простыня чуть сползла, открыв заострившийся нос и бледные запавшие веки... Ноги же, напротив, были укутаны с особой тщательностью, даже, сказала бы Петрищенко, заботливо.

– Вы сначала отвернитесь, Лена Сергеевна, – сказал Вася, – потом посмотрите.

Она послушно зажмурила глаза, рассматривая кольчатую радужку с черной дырой посредине, вспыхнувшую на обратной стороне закрытых век.

– Теперь можно?

– Только осторожно, Лена Сергеевна. Вы как бы не сразу смотрите. Как бы сквозь щелочку...

– Вася, за кого ты меня принимаешь? Я и не такое видела.

– Такого, Лена Сергеевна, вы не видели. И я не видел. Никто такого не видел, Лена Сергеевна. А кто увидел, тот, извините за пафос, до гробовой доски не забудет...

– Вася, не преувеличивай, – сказала Петрищенко и открыла глаза.

* * *

– Ничего, Лена Сергеевна, теперь полегче будет. – Она обнаружила, что сидит на стуле в прихожей и Вася заботливо подсовывает ей под нос нашатырь. – Это вы просто без подготовки.

– У меня прекрасная подготовка. – Петрищенко отпихнула пузырек с нашатырем. – Я, между прочим, в анатомичке практику проходила. Но это...

Она вяло махнула рукой.

– Вот с этим нам и придется работать, Лена Сергеевна, – терпеливо сказал Вася, – с этим вот...

– Вася, что делать? Мы же не потянем.

– Точно, – жизнерадостно сказал Вася, – Не потянем. Это ж такой форс-мажор, какого давно не было. Надо бы, кстати, Лена Сергеевна, под это дело потребовать, чтобы ставку еще дали. А то мы пупы сорвем... Точно говорю.

Она поднялась и, опираясь на Васину руку, двинулась по коридору, машинально поймав себя на том, что идет под руку с мужчиной первый раз за несколько лет. Пусть это даже всего-навсего Вася.

– погоди, Вася, с пупами. Надо с этим сначала разобраться... Как-то... скоординировать с угро, или как там они называются.

– А нечего координировать, Лена Сергеевна. Я со следком тут слегка пообщался. Он говорит, что, раз наш, нам и расхлебывать. У него потому как два висяка, и квартал надо закрывать. Ладно, чего там... Я сейчас тачку тормозну, поедем в контору, там обсудим. А то тут эти сидят...

Он покосился на старуху и женщину в черном платке.

– Им тело должны выдать, – сказал он шепотом.

– Мунтяна? – так же тихо ужаснулась Петрищенко.

– Не, этот как бы официально и не найден, – шепотом сказал Вася, – и до конца расследования найден не будет. Нет, антиквара этого, ну вы знаете, который задохнулся. Ну, дело-то громкое было. – Он хмыкнул довольно и с надеждой посмотрел на Петрищенко, но та не отреагировала. – Пришли, в дверь позвонили. «Скорая». Ошибка? Ах, позвольте по телефону позвонить. Срочно, больной погибает... В бе-

лых халатах, и тачка с красным крестом под окном стоит, сигналит. А как вошли, замотали ему и старухе рты пластырем и затолкали в ванную. И вывезли все. Покидали в «Скорую» и уехали. Старуха ничего, а он задохнулся. Хронический насморк. Когда полынь пыльцу дает, самый пик аллергии. Целая банда орудует, Лена Сергеевна, и все по антиквариату, вон, доценту истмата в пищевом, который античные геммы и квартира на сигнализации, так потолок разобрали... И хрен найдешь. Они за бугор уже вывезли все, я вам говорю. «Узиком», через Румынию. Как бы барахлишко эмигрантское. Ладно, чего там, Лена Сергеевна, как в контору приедем, я чай заварю. Крепкий. Оно помогает, знаете как? И это... бумажки поднять надо, ну все бумажки...

– Помолчи, Вася, – устало сказала Петрищенко, – пожалуйста.

* * *

В кабинете тоже было холодно. Злющая красная Розка, распахнув настежь окно, скребла по стеклу скомканной газетой «Знамя коммунизма». На подоконнике стояло ведро с водой, вода остро пахла нашатырем.

Петрищенко содрогнулась.

– Господи, что за запах! – пробормотала она.

– Мне Лилька налила из СЭС-1, – дерзко сказала Розка, раздувая ноздри, – сказала, так лучше отмывается. А чего?

– Ничего. – Петрищенко сняла пальто, попробовала повесить его на вешалку, но петля оборвалась, пальто соскользнуло вниз, в грязноватую лужу, пролитую Розкой, и легло бесформенной кучкой. Вася молча поднял пальто и нахлобучил его на рожок.

– Роза, заканчивай и выйди, – устало сказала Петрищенко, глядя, как по рукаву ворсистого, цвета бутылочного стекла пальто стекают капли воды. – Нам работать надо.

– Вы же сами сказали. – Розка начала медленно наливать краской. Краснела она не от шеи, а почему-то от висков.

– Розалия, я умоляю, – начал Вася, но махнул рукой и, подойдя к Розке, обхватил ее за обтянутые джинсой бедра и аккуратно снял с подоконника. – Все. Завязывай. Премия. Благодарность от профкома. Укороченный рабочий день. Сходи к Чашкам Петри, что ли.

– Я окно не домыла, – защищалась Розка.

– Ничего. Это даже красиво. По-своему. Вон какие разводы. Где Катюша?

– Ушла, – Розка пожалала плечами. – Сказала, ей дует.

– Это к лучшему, – задумчиво сказал Вася, – а, Лена Сергеевна?

– Не знаю, Вася. – Петрищенко уселась за стол и украдкой стянула с ног проклятые туфли. – Иди, Роза. Или нет, сначала принеси реестр... Нет, иди. Вася принесет.

– Я, – начала Розка, но Вася взял ее за плечи и вытолкнул из помещения, приговаривая: «Вот и ладненько, вот и умница»,

как будто уговаривал особо зловредную козу.

Петрищенко продолжала сидеть, глядя в пространство. Губы ее беззвучно шевелились.

– Я чай поставил, Лена Сергеевна, – сказал Вася, появившись в дверях, – ну и все бумажки... вот. Только я не понимаю, Лена Сергеевна, правда не понимаю. С июля же ничего не было.

Петрищенко потерла руками виски. Говорят, от этого лучше соображаешь.

– Реестр. Я список кораблей прочел до середины. Названия судов, даты, переписанные детским Розкиным почерком. Бессонница, Гомер... Везде в графе номер четыре: ответственный – Басаргин В.Т. Нигде ничего.

– Вася... – она замялась, – ну... я знаю, ты человек добросовестный... но может... ну, с каждым бывает...

– Лена Сергеевна, – изумленно спросил Вася, – вы что, и вправду хотите на меня свалить? Я вас всегда за человека считал!

– Что ты, Вася! Я просто спрашиваю!

– А если спрашиваете, – сухо сказал Вася, – я вам официально скажу. Нет, Елена Сергеевна. Я работаю чисто. Поищите крайних в другом месте.

Она прикрыла глаза, отчетливо ощущая тяжесть наложенных на веки жирных голубых теней.

– Извини, Вася. Я что-то совсем...

– Ладно, Лена Сергеевна. Проехали. Только я вам вот что,

Лена Сергеевна, скажу: если он и пробрался, то не через нас... ну, не могли мы! А вдруг это и правда... – Он вдруг замялся, застеснялся, потом с трудом выговорил: – Диверсия?

Петрищенко оглянулась зачем-то на телефон, стоящий на краю стола. И этот туда же, с тоской подумала она...

– Вася, диверсия – это из области, извини меня, бабьих сказок. Это халатность чья-то... разгильдяйство наше обычное. Тут он, Лещинский, прав. К сожалению.

– Не скажите, Лена Сергеевна, во время войны...

– Во время войны, Вася, не разобрать было, где диверсия, а где пропаганда. Вася, я тебя очень прошу, соберись. Ну, давай подумаем вместе.

– Давайте, Лена Сергеевна, – сдержанно сказал Вася, – и Катюшу позовем?

Он искоса поглядел на нее.

– Пока нет. Потом, если что, привлечем, конечно.

– А привлечем, поздно будет, – зловеще сказал Вася. – В общем, я, Лена Сергеевна, так думаю. По списку все чисто. Хоть сейчас звоните Лещинскому, я палец готов на отсечение. Но только я уверен, что это наш, а значит, он как-то пролез. Значит, где-то дырка была. Ну, вот и надо думать, где. Но я, как циник и монстр, вам скажу: статистика нужна. Чтобы было с чем работать. Потому как есть у меня, Лена Сергеевна, предчувствие, что одним случаем мы все равно не отделаемся.

– Не приведи Господь, – испугалась Петрищенко.

– А чего вы пугаетесь, не хуже меня знаете. Я бы, Лена Сергеевна, вот еще что выяснил – никто из наших в дурку там не попал или в инфекционку? Потому что где наша не пропадала? В психушке и инфекционке наша не пропадала, во-от, но про инфекционку Чашки Петри бы знали. Значит, дурка. И, понятное дело, коллег надо бы запросить. Нет ли чего по другим портам. Если нет, ну, тогда что ж...

– А если есть?

– А если есть, тогда это государственного масштаба ЧП, тогда нас не спросят, такая каша заварится. В общем, чего гадать, пара дней, и все прояснится. Ну, давайте докладную писать, что ли?

* * *

Нельзя сказать, что Петрищенко особенно любила больницы. Кто же их любит? Но, вдохнув запах асептики и жидкого больничного супа, она словно опять становилась молодым специалистом: преддипломная практика, ординатура. И дернула же ее нелегкая пойти по научной части! Сидела бы сейчас вот так, в белом крахмальном халате, небрежно накинутом на плечи... А если бы на халате хотя бы одно пятно, вот бы кастелянше врезала! Какое-то время она представляла себе, как выговаривает кастелянше. Ей очень хотелось на ком-то сорвать раздражение, но ведь приходится быть любезной...

«Улыбайся! – говорила она себе. – Шире улыбку. Еще шире. Теплее...»

Она знала, что улыбка у нее заискивающая, а под очками, на подведенных веках, выступают капельки пота. Она всегда старалась быть хорошей – услужливой, любезной – как результат, ее считали бестолковой и мягкотелой, все, даже Лялька... Когда стараешься не привлекать к себе внимание, рано или поздно на тебя действительно перестают обращать внимание.

Господи, ну почему же Лялька оказалась такой жесткой, это, наверное, врожденное...

Она, спохватившись, потерла пальцами переносицу и поглядела на завождении почти умоляюще.

Завождением был шикарный мужчина, в крахмальном халате, смуглый, с тонкой полоской усов. Халат нарочно, подумала Петрищенко, накинут на плечи так, чтобы был виден румынский костюм, асфальтово-серый в тонкую светлую полосу... В нагрудном кармане ручка, и наверняка с золотым пером... Надо же, какое хлебное место – психушка! Вот и надо было специализироваться по психиатрии, сказала она себе...

От завождением пахло хорошим одеколоном.

Совершенно бесполезный малахитовый чернильный прибор на столе и часы такие же, зелененькие... очень солидно. Наверняка у него в сейфе стоит дорогой коньяк, может быть, даже привозной. А если я сейчас ему предложу выпить по

рюмочке? Интересно, что он скажет?

Держал себя за отделением любезно и понимающе, словно с потенциальным пациентом. Впрочем, каждый человек ведь и есть его потенциальный пациент.

– Ригиден, – прочла она вслух, – на раздражители реагирует слабо, наблюдаются навязчивые стереотипные движения и высказывания. Диагноз: острый маниакально-депрессивный психоз с последующим распадом личности...

– Товарищ доктор, а по-нашему, по-простому нельзя? – встрял Вася. – Нам же, мы в институтах не обучались. Ты бы перевел...

Этого она и боялась. Вася начал опрощаться. Его раздражал напомаженный доктор. Вася решил, что доктор сноб и вообще враждебный классовый элемент. Иногда на Васю ни с того ни с сего находило.

Петрищенко попробовала пнуть Васю под столом ногой, но ушибла палец о ножку стола.

Завотделением посмотрел на него сквозь очки, обрамленные тонкой золотистой оправой.

– Если применить обыденную лексику, – сказал он вежливо, поскольку Васино опрощение на него никакого впечатления не произвело, – то Бабкин свихнулся. Сидит и раскачивается на койке. И долбит, как попугай.

У завотделением был едва уловимый иностранный акцент. Тоже выделяется, подумала Петрищенко.

– Че долбит-то? – напирал Вася, который уже не мог вый-

ти из образа.

– Вася, хватит, – прошипела углом рта Петрищенко и с ужасом ощутила знакомый характерный зуд; наверняка шея пошла красными пятнами.

– Я – проклятый пожиратель моха! – сказал заведени-ем.

– Что? – переспросил Вася нормальным голосом.

Он решил, что психиатр рехнулся. Прямо у них на глазах, в кабинете. У них, у психиатров, это обычное дело.

– Я – проклятый пожиратель моха, – с удовольствием повторил врач. – Так он говорит... хотя «моха» по-моему, неправильная форма. Надо бы «мха». Вы как полагаете?

– Понятия не имею, – растерянно сказал Вася, – хотя да, скорее «мха». А что это значит?

– А вот это вы должны мне сказать, – сказал психиатр, доброжелательно наблюдая за стремительной Васиной эволюцией, – вы ведь СЭС-2, разве нет? Мне из Пароходства звонили. Из первого отдела. Кто-то из ваших гуляет?

– Похоже на то. К сожалению, – согласилась Петрищенко.

Она полагала, что раз уж ей так не повезло быть начальником, то всякие неприятные разговоры надо брать на себя. И хотя она об этом и не знала, именно за это редкое качество придиричивый и брезгливый Вася ее уважал и любил. Сама она полагала, он ее презирает за мягкотелость.

– Плохо. Ваши практически неизлечимы. Тех, с семьдесят второго, до сих пор держим... кто еще жив, понятное дело.

Он нажал на кнопку селектора.

– И еще – у меня допуск, а у лечащего врача нет. Теперь я сам буду его вести.

– Извините, – сказал вдруг Вася, – спросить можно?

– Да, молодой человек, – устало сказал врач, и вдруг стало понятно, что он старик. И волосы, вдруг осенило Петрищенко, у него крашенные. Вон, кожа прокрасилась на висках.

– Откуда у вас этот акцент? Ну, такой...

– Меня аннексировали вместе с Бессарабией, – объяснил психиатр, – я вообще до восьми лет русского не знал. А что?

– Да нет, ничего.

– Мама коммунисткой была, – пожаловался врач, – в застенках Сигуранцы сидела... в первую отсидку. И назвала меня Эрнст, в честь Тельмана. Ух и били же меня в школе. Ладно, пойдемте, коллеги, посмотрим на вашего Бабкина.

– А мне можно спросить? – не выдержала Петрищенко.

– И вам можно, – печально сказал заведованием.

– А какой коньяк у вас в сейфе стоит?

– «Наполеон», – удивился врач.

– Настоящий французский?

– Да. Пациент подарил. А что?

– Да нет, – покачала головой Петрищенко, – нет. Ничего.

* * *

– Может, все-таки не наш, – с надеждой сказал Вася.

Бабкин сидел на койке и раскачивался. Вася хмыкнул; он ожидал смирительной рубашки и вообще всяких ужасов, но Бабкин был в длинном фланелевом халате...

На столике стояла эмалированная кружка с торчащей из нее алюминиевой столовой ложкой и лежал полуочищенный одинокий апельсин.

– Вот он, Бабкин-то. – Дежурный врач, в кармане халата которого торчал свернутый в трубку журнал «За рулем», при заведении сохранял кислую вежливую мину. – Амитриптилин, мелипрамин, электрошок... стандартные процедуры. Только он вам ничего не скажет. Неконтактен. Неадекватен.

– Я – проклятый пожиратель моха, – сообщил Бабкин.

– Да, да, – согласился дежурный врач, – уже знаем. Есть он, кстати, отказывается. Насильно приходится кормить.

– Я – проклятый пожиратель моха, – вновь сказал Бабкин.

– Ясно, – опять согласился врач.

– Звать-то тебя как, мужик? – дружелюбно спросил Вася.

– Проклятый...

– Вася, ты же видишь, он зациклился.

Больница больше не вызывала у Петрищенко ностальгии. Ей хотелось уйти отсюда поскорее, пока больница не засосала ее, как она в конце концов делает со всеми.

– Родственники у него есть? – спросила она.

– Сестра приезжала. Из Конотопа. – Врач вздохнул.

– А... улучшения не наблюдается?

– Нет. Хроника. Похоже, он тут надо-олго останется, – с плохо скрытым удовольствием произнес врач.

Диссертацию пишет, зуб даю, с отвращением подумал Вася.

– Понятно, – сказал он вслух. – А теперь это... выйдите, доктор.

– Вы что себе...

– Под мою ответственность, Ашотик, – сказал завотделением.

– Это... Если каждый.

– Ашотик, это из СЭС-2. Ты же знаешь, у них своя специфика. Да, и отдайте Бабкина теперь мне.

– Ну...

– Я проклятый, – сказал Бабкин.

– Да-да, – согласился Вася, – послушайте, а может, это, дать ему?

– Что? – удивился Ашотик.

– Ну, мох... пусть себе жрет. Если хочет.

– Не положено, – рассеянно ответил Ашотик.

Казалось, он утратил всякий интерес и к Бабкину, и к его посетителям. С миг потеревив карман халата, он развернулся, пожал руку завотделением и, насвистывая, вышел.

Дождавшись, пока за врачом закроется глухая дверь, Вася на миг склонился над койкой, проведя сложенными ладонями сверху вниз, потом пожал плечами и оглянулся на Петрищенко.

Рядом со скамейкой торчали из земли сухие астры. Худая бело-серая кошка появилась откуда-то из-за урны и стала тереться о ноги.

Из окна пищеблока несло вареной капустой и дезинфекцией. На соседней скамейке желтая опухшая женщина тихо разговаривала с другой – худой и пожилой. Опухшая была в байковом халате и пуховой мохеровой кофте, пожилая – в сером пальто. Между ними на столе лежал пакетик с конфетами, и опухшая время от времени разворачивала очередную конфету и торопливо бросала ее в рот. Весь асфальт был усеян блестящими бумажками.

Если бы Катюша сошла с ума, она бы, наверное, выглядела похоже. Только Катюша никогда не сойдет с ума. Скорее у остальных крышу снесет. Интересно, эти сны, которые мне последнее время... это ее работа? Или это я сама?

– Не волнуйтесь вы так, Лена Сергеевна, – тихо сказал Вася.

Интересно, думала Петрищенко, отвечает ли человек за то, что творится в его голове даже во сне? Ведь это же его собственный мозг! Или все-таки не отвечает?

– Хотя, – продолжал Вася, – я и сам расстроился, ей-богу. Паршиво. Он и вправду наш. И ведь не спросишь, кто его так отделал, Лена Сергеевна, все мозги мешаные. Ах ты...

– Погоди-погоди, Вася. – Она порылась в сумке, развернула бутерброд с колбасой и отломил кусочек кошке, хотя, подумала она, ей, наверное, перепадает на пищеблоке. Поймав Васин взгляд, вместо того чтобы убрать бутерброд обратно, протянула Васе: – Получается, все-таки мы упустили?

– Получается, так, – согласился Вася с набитым ртом, – ну, я не знаю, выговор мне, что ли, вклейте... С занесением... Или...

Петрищенко вздохнула.

– Это, Вася, не от меня зависит.

Боже мой, думала она лихорадочно, какой дурак, он думает, если я ему выговор... Да меня саму, и тут строгачом или предупреждением о несоответствии не отделаешься, люди гибнут! Лещинский, сука, под статью подведет и глазом не моргнет. Мама... Лялька... Господи ты боже!

– Только я работаю серьезно, Лена Сергеевна. – Вася слегка заерзал на скамейке, но взгляда не отвел. – Там было чисто. Все чисто.

– Точно?

– Точно, Лена Сергеевна, – сказал Вася, выкатив для достоверности глаза и давась бутербродом, – я же помню «Мокряка» этого.

Петрищенко казалось, что она никак не может ухватить что-то очень важное. Вася иногда поблажки дает и мелочь всякую безвредную щадит, она закрывала на это глаза, но, если что серьезное, он никогда бы не спустил. Или спустил?

Зарплата у него курам на смех, у молодого специалиста...
Чтобы Вася, да брал взятки? Нет, только не Вася.

– А почему помнишь, Вася?

– Ну... – Вася задумался, машинально заглотив остатки бутерброда и вытерев руки о скамейку, – разве что...

– Да?

– Не знаю, Лена Сергеевна, говорю, чисто было, но я подумал... знаете, как бывает... Из-за названия, наверное. Это же надо, такое идиотское название. В общем, я два раза прошелся. Меня еще этот кэп торопил, мол, быстрее, план горит, разгрузка, все такое... Я ж не зверь, Лена Сергеевна. Я всегда готов навстречу. Но тут назло второй раз медленно прошел.

– Должно быть что-то. Ну, вот смотри, Вася. Моторист с «Мокряка». Снят с судна с симптомами острого МДП.

– МДП что такое? Психоз? Маниакально-депрессивный?

– Да.

– Я у Леви читал, – похвастался Вася, – «Охота за мышью».

– Я рада, – сухо сказала Петрищенко.

– Снят с судна, говорите? Кем снят? Как? Когда?

Они посмотрели друг на друга.

– Ах, суки, – медленно сказал Вася, – как же они нас подставили! Судовой журнал бы хоть глазком, Лена Сергеевна!

Розка уперлась ладонями в край столешницы и откинулась на стуле. Стул двумя ножками повис в воздухе. В животе у Розки булькал чай, который она пила в СЭС-1, у Чашек Петри. Чашки были хорошие. Они ее, Розку, жалели. Кормили бутербродами с домашними котлетами и поили чаем с вареньем. Петрищенко, говорили они, вздорная баба, потому что у нее жизнь не удалась, и Катюша тоже не сахар, а хуже всех этот Вася, потому что для него нет ничего святого, он надо всеми смеется. Правда, Лилька потом сказала, что она бегала к Катюше гадать. И Катюша ей нагадала жениха, приличного, но пожилого, а теперь за ней, Лилькой, ухаживает их препод с вечернего. А Вере Петровне Катюша нагадала, что ее муж крутит с блондинкой, и точно, Вера Петровна их застукала в баре «Ореанда», совершенно нечаянно, когда пошла со своим этим премию обмывать. И теперь они разводятся, а Катюша как раз нагадала казенный дом, потому что муж Веры Петровны тоже был не рад, когда застукал ее с этим... в общем, Розка так поняла, что все они ходили гадать к Катюше.

Розка читала «Анжелику в Новом Свете». Она уже дошла до того места, где граф де Пейрак, властно обняв Анжелику сильной рукой, повлек ее на ворох медвежьих шкур, но читать про это на работе было как-то неудобно. Розке каза-

лось, когда она читает, все остальные совершенно точно знают не только то, что Розка в данный момент читает, но даже о чем она при этом думает. Бонка третий том таскать сюда, что ли, уныло думала Розка, разглядывая ярко-зеленые, под цвет пальто, ногти.

Ногти выглядели омерзительно.

Розка гадала, не сходить ли еще раз к Чашкам Петри, не взять ли у них ацетону.

Потом прислушалась, опустила стул на все четыре ножки, оперлась на руку и сделала умное лицо. Наверняка Петрищенко, это она ходит, словно свай забивает.

– Роза, – тут же сказала Петрищенко, – ты недомыла окно.

– Сами же сказали, Елена Сергеевна, – возразила Розка противным плачущим голосом.

– Это когда еще было. Превратили учреждение черт знает во что. И прекрати ты скрипеть, бога ради. Мурашки по спине бегают.

Ясно, Петрищенко пришла жутко злая. У нее опять по всей шее ползли красные пятна, а шарфик сбился набок. За ней торопился Вася, один раз вроде подмигнул Розке, но потом отвернулся и стал стаскивать с Петрищенко пальто, а та вроде не давалась, выдергивала руки, торопливо и резко шагая к себе в кабинетик. Вот же противная тетка, ей-богу.

– Они, когда бумаги заполняли, в графе «Есть ли больные на борту?» – говорил Вася на ходу, – «нет» написали. И ведь действительно не было. Бабкина сняли еще на рейде. С ост-

рым психозом. Вот же сволочи, а? И нас не известили!

– Понятно почему. Мы бы поставили судно на карантин. А если бы «Мокряк» до вечера на разгрузку не стал, все, плакала квартальная премия. Многие ведь вообще считают, что мы так... профанация, – отвечала Петрищенко, топая ножищами.

– Эх! – горько сказал Вася. – Я так и знал. И ведь имя паскудное какое – Мокряк!

– Федор Мокряк. Партизан такой, кажется, был, что ли.

– Я по Канаде информацию подниму, – Вася задумался, – хотя, если честно, мало что есть...

Они прошли в кабинет и закрыли дверь, но не очень плотно. Розка прислушалась.

– Ты меня извини, Вася...

– Да, ладно, Лена Сергеевна.

Розка покачала головой и принялась меланхолично разглядывать ногти.

– Я подумала, может, они тебя... попросили... чтобы ну, формально закрыть...

– Меня очень трудно уговорить, Лена Сергеевна, – спокойно сказал Вася, – практически невозможно меня уговорить. Слышали, кстати, космонавт Рукавишников с ума сошел?

– Как? – испугалась Петрищенко. – Что ты? Почему?

– Обыкновенно сошел. Увидел с орбиты две Земли. Одну

– Большую, одну – Малую.

– Фу ты... Ну тебя, Вася. Все шутишь?

– Вот как раз не шучу, Лена Сергеевна. Ладно, пошел я, жрать охота, сил нет. Вы бы, кстати, поосторожней, Лена Сергеевна, он ведь где-то рядом ходит. И, я так думаю, то-мо ему... Домой он хочет. Так что и до нас может добраться, Лена Сергеевна.

Петрищенко сняла очки и посмотрела на него. Глаза у нее сделались совсем беспомощные.

– Ты думаешь?

– Они видят того, кто их видит. Будто вы не знаете. Вон, Вий что с товарищем Хомой сотворил, был такой казус.

– Вия в реестре нет, – машинально ответила Петрищенко. Она думала о своем.

* * *

Дома она первым делом сняла туфли и с наслаждением пошевелила обтянутыми нейлоном пальцами ног.

Сейчас она накормит маму, сама выпьет чаю и ляжет. Накроется пледом и просто полежит. Ляльки нет, но это даже и к лучшему, не надо притворяться, что все в порядке. Хорошо бы, чтобы оно как-то разрешилось само собой, она завтра проснется, придет на работу – а там все хорошо!

Она стащила пальто, повесила его на крюк в прихожей и прошла в кухню. Посуда стояла в раковине невытая; Генри-

етта просто оставляет ее и уходит, а от Ляльки, понятное дело, помощи не дождешься. А когда тарелки в раковине долго стоят стопкой, у них на обратной стороне скапливается грязь, которая очень трудно отмывается.

Она, как была, не переодевшись, только сняв пиджак, включила воду. Вода тут же плюнула ржавым и забрызгала блузку. Она вздохнула и запоздало повязала фартук.

Когда раздался звонок, она не сразу сообразила, что это в дверь. Метнулась к телефону, но он выглядел вполне безобидно и молчал.

Зато из коридора вновь раздался резкий, противный звук. (Сколько раз себе говорила, нужно поменять на более музыкальный, но кто будет менять? Она не умеет, Лялька тоже. Соседа разве что попросить.)

Лялька? Вряд ли, разве что ключи забыла. Ох, лучше бы она сейчас не шлялась допоздна, надо будет ей сказать. А если...

Сердце ее ухнуло на миг куда-то вниз.

В полумраке лестничной площадки маячила мужская фигура; искаженное смотровым глазком лицо выдвинулось вперед, как рыба.

– Кто там? – спросила она, замирая.

– Ледочка? – донеслось из-за двери. – Это я.

– Лева?

И как она сразу не узнала?

Она торопливо отперла дверь:

– Да, да, конечно, Лева, проходи.

На кухне отчаянно свистел чайник.

Она метнулась в кухню, на ходу пытаюсь развязать на спине затянувшиеся завязки фартука, выключила чайник, огладила волосы и вернулась обратно; пробегая по коридору, мимоходом посмотрела на себя в мутное зеркало. Усталое лицо, бесцветные волосы собраны в пучок. Глаза бы не глядели.

Лев Семенович, сидя на пуфике, кряхтя, снимал туфли. Лысинка у него розовела над воротом пиджака.

– Что ты, что ты, Лева, – заторопилась она, – можно так.

– Шел вот, – неопределенно сказал Лев Семенович, – подумал, дай, загляну...

Петрищенко почувствовала, что краснеет. Катюшу, что ли, попросить? Говорят, она такие вещи легко снимает...

Катюшу, впрочем, ни о чем просить не хотелось.

– Это хорошо, – она попятилась, пропуская гостя, – ты садись, Лева, вон туда. Я сейчас чай принесу. Хочешь чаю?

– Не очень, – сказал Лев Семенович.

Он уместился в низенькое кресло и теперь сидел, выпрямившись, положив руки на колени, как прилежный ученик.

– А, впрочем, давай, Ледочка...

– Я сейчас...

Петрищенко заторопилась в кухню, поставила на поднос две парадные чашки. Нарезала лимон, положила печенье. Что еще? Лева любит, когда много сахара. Поставила сахар-

ницу. Как вообще можно пить такой сахарный сироп, ей-богу? Всегда над ним смеялась. Варенье еще. Блюдечки. Может, сыр нарезать? Нет, пока хватит... Она поставила поднос на столик, сбросив на пол Лялькины «Уроду» и «Пшекруй». От Ляльки опять влетит. Хорошо бы не при Лева. В последнее время Лялька не очень-то стеснялась посторонних...

– Как ты, Ледочка? – спросил Лев Семенович, размешивая сахар ложечкой. – Как мама?

– Мама? Ну, как мама? Лежит... Иногда вроде бы все понимает, иногда плывет. Знаешь, так... решила, что я замужем за китайцем... Очень меня ругала...

И зачем я все это рассказываю? Ему же совершенно неинтересно.

– И, представляешь, Лева, Лялька тоже оказалась замужем за китайцем. Ну, в общем, что-то она себе придумывает такое... странное... вчера спросила, куда папа ушел? Когда придет? Женщину вот взяли. Культурную. Она с мамой сидит, разговаривает, Ахматову читает. «Четки». Может, это из-за Ахматовой у нее такие фантазии, как ты думаешь?

– Вряд ли, – рассеянно сказал Лев Семенович, – вот если бы твоя сиделка Вертинского ей пела... – Он улыбнулся своей шутке. – Помнишь: где вы теперь? Кто вам целует пальцы? Куда ушел ваш китайчонок Ли?

– Помню, конечно... Лиловый негр, ага... Я альбом недавно купила, две пластинки, знаешь, горчичного такого цвета, и потрет в овальной рамке.

– А, да... надо будет и мне купить. Кстати, как там моя девочка?

На миг ей показалось, что он спросил о Ляльке.

– Прижилась в коллективе?

Нет, это он об этой, о Белкиной. Ну да, она же через него.

– Ничего. Работает. Обживаетя понемножку.

Нет-нет, сказала она себе, все-таки он, Лева, приличный человек. Пришел ведь поддержать... Несмотря.

Неприятности заразны, особенно для начальства. Со мной сейчас как с зачумленной, ну не то чтобы совсем, но все-таки лучше не надо. Особенно в гости приходиться...

– Спасибо тебе, Лева, – сказала она вслух.

– А? – Лев Семенович звякнул ложечкой о край чашки.

– Что поддержал. А то надо с кем-то посоветоваться, а ведь мало с кем можно.

– Да, – сказал Лев Семенович, – да... Ты знаешь, Ледочка, – он оглянулся на молчащий телефон, – очень между нами... неприятная ситуация. Ну, перед самыми Октябрьскими, да еще эта Олимпиада, будь она неладна! Они сейчас так боятся всяких инцидентов. Так что там, – он поднял палец, – пока решили наверх не сообщать. Тем более достоверно не установлено, по вашей ли это части.

– Совершенно очевидно, Лева, что это по нашей части, – печально сказала Петрищенко.

– Халатность, повлекшая за собой смертельный исход, это очень плохо, Ледочка. Но, если честно, все эти ваши методы,

если честно... кустарщина какая-то, одно сплошное мрако-
бесие. Будем надеяться, все же совпадение. Крайний всегда
виноват, а под тебя, между нами, давно копают, не будем го-
ворить кто...

Опять, подумала Петрищенко. Все знают, одна я не знаю.
Вот же стерва, господи прости. Халатность. Смертельный ис-
ход. Это...

Маму жалко. И Ляльку.

– Что же делать, Лева? – спросила она печально, кроша
печенье.

– Ну... если вы сможете доказать, что это не вы...

– Как? – Она даже всплеснула руками. – Как мы можем
доказать?

– Ну, акты же есть. Подписанные. У вас же бумаги все в
порядке?

– В порядке, – сказала она уныло.

– Я так им и сказал. Нельзя вот так, с бухты-баракты. Так
что наверх не пойдет. По крайней мере, пока.

Он моргнул, выпрямился и покосился на дверь в Ляльки-
ну комнату.

– Но и ты помоги мне, Ледочка.

* * *

И откуда взялся этот туман? Вообще-то Розка осень лю-
била, и желтые пятипалые листья на темном асфальте каза-

лись ей похожими на следы какого-то доисторического животного. Но сейчас на душе у нее было гнусно. На мерзкой этой работе ей дали понять, что толку он нее, Розки, никакого, разве что окна мыть. А потом вообще выставили.

Она шла по бульвару, мимо тополей, которые трясли листвою, как печальные паралитики, и ненавидела все вокруг – ограды в лишаях облупившейся штукатурки, а за ними – мокрые сады, и асфальт весь в трещинах, и воев ревун за темным стадионом, где мокнут гравийные беговые дорожки...

И все-таки она внимательно смотрела под ноги, чтобы не наступать на желтые листья.

Вдобавок она встретила на углу, у магазина «Альбатрос», Светку Ружанскую, и Светка сказала, что выходит замуж. Под мышкой Ружанская несла рулон фотообоев, оклеивать семейное гнездышко. Розка очень обрадовалась, поздравляла и желала счастья, но голос у нее от злости сделался тонкий и пронзительный.

Может, это лично ей, Розке, не везет? И все прекрасное и интересное всегда случается с другими? Или, внезапно осеняет Розку, и с другими на самом деле ничего не происходит, а они тоже врут бессовестно и безбожно, чтобы остальные завидовали?

Неужели будущее сначала мигнет впереди, яркое и красивое, а когда догонишь, запыхавшись и обмирая заранее от восторга, возьмет да и обернется гнусной серой харей...

Затылок стянуло и начало покалывать, как бывает, когда

кто-то очень пристально смотрит в спину.

Розка на всякий случай покосилась на темную витрину гастронома. Но там ничего не отражалось. Даже сама Розка.

Отблески фонаря круглились на мокрых черных ветках. Розка поежилась. Воздух, сырой и липкий, вдруг напитался гнилью. Сладковатый, тяжелый такой запах, словно от подтухшего мяса.

Розке захотелось присесть, вжаться в землю и затаиться, как затаиваются маленькие зверьки, над которыми в ночи мягким комком мрака пролетает сова.

Она ускорила шаг, ощущая, как натирают в паху швы новых, купленных с рук, позорно дорогущих джинсов. Розка как раз хотела, чтобы в обтяжку, «без мыла не влезешь», говорила мама, а они, заразы, жесткие и натирают. Это же вроде ковбойская одежда – как она может натирать?

Главное, говорит спрятавшийся в Розке маленький пушистый дрожащий зверек, главное – не обернуться...

Она оборачивается.

Никого. Ствол дерева у дороги завивает вокруг себя волокна тумана, она видит воздуховороты, маленькие такие вихри, словно кто-то быстро и резко спрятался за деревом, вон какая горбатая тень от ствола, а может, и две тени, горбатые, слипшиеся, но не совсем, что-то такое, очень...

Ее шаги отчетливо звучат на пустой улице. Или это эхо отражается от мокрых, увитых увядшим диким виноградом оград на той, противоположной стороне улицы. А там, за

оградами, дорожки, исчерканные слизистыми следами улиток, и мокрые сады, где гниет под черными деревьями падалица, мокрые крыши, мокрое, темное, яростное море.

Она останавливается, изо всех сил задерживает дыхание и прислушивается. Никого.

Тогда она осторожно выносит вперед ногу и возобновляет путь, но, когда она ускоряет шаг, эхо возникает вновь.

Она не выдерживает и бросается бежать, чувствуя, как горячий, липкий воздух застревает комом в горле. Под ложечкой режет. Это потому, что я не тренированная, думает Розка, я же собиралась бегать по утрам. Но ведь утром так не хочется вставать, особенно сейчас, когда совсем темно. Она раскрывает рот, жадно хватая воздух, и слышит хлюпающие тяжелые шаги за спиной, уже открыто, нагло, не таясь, и она не может обернуться, потому что тогда она потеряет несколько секунд...

Трамвай вынырнул из-за поворота и, звеня, прокатил мимо, как наполненная светом и звуком сверкающая шкатулка, и притормозил у перекрестка, где застыла в тумане рубиновая капля светофора. Розка глубоко вдохнула сладковатую гниль и бросилась вперед из последних сил... Кажется, она позорно упустила капельку мочи.

Она бежит так, что свет фонаря распластался по мокрому воздуху, и, когда дверь-гармошка начинает закрываться, хватается скользкой рукой за скользкий поручень и плечом протискивается в щель.

И дверь отрезает Розку от страшного внешнего мира, и Розка оказывается в закрытой коробочке, по мокрым стеклам ползут капли, отражая огни светофора – красный, зеленый, желтый, как маленькие драгоценности на черной стеклянной витрине. Трамвай звякнул и покатился дальше, а Розка, шатаясь и цепляясь за поручни, прошла к местам «Для инвалидов и пассажиров с детьми» и плюхнулась на сиденье.

– Уселась, приститутка, – сказала вредная бабка, хотя в трамвае почти все места были пустые, – в штаны эти похабные вырядилась и уселась!

Розка осторожно выглянула в окно: пусто, даже машин почти нет, из-за тумана, наверное, кто захочет ездить в такой туман? Перед ней на спинке переднего сиденья накорябано монеткой: «Рыба – дура». Розка сидит, ощущая, что между ногами у нее горячо и неприятно, и тупо глядит на надпись.

– Рыба – дура, – повторяет она про себя, шевеля губами. – Рыба – дура.

* * *

– Лева, – Елена Сергеевна водила пальцем, чертя на столешнице бурые узоры пролитого чая, – я не возьмусь. Я же медик, Лева. Я клятву Гиппократова давала.

– Я же ничего плохого, – Лев Семенович склонился через стол, проведя пальцем по горлу, – просто пускай его уберут

куда-нибудь. И он от меня отстанет.

– Ну куда его уберут, Лева? Я же его помню, он у нас организацию здравоохранения вел. Он, знаешь, какой хваткий? Его сотрудники все боялись. Даже с чужих кафедр. Его даже партком не трогает. Был сигнал, что-то там хотели разбирать, принять меры... потом все стихло. А ведь, куда ни глянь, милейший человек. Всегда вежливый такой, веселый. А студентки, когда ему сдавать ходили, плакали, Лева... Особенно хорошенькие.

Ей Гергега, выслушав сбивчивый лепет, дружелюбно кивнул и поставил «Хорошо». Она не была хорошенькой. Даже в ту пору юности, когда хорошенькими кажутся почти все. Лева, осенило ее, пришел вовсе не затем, чтобы поддержать ее в трудную минуту. У него самого трудная минута.

– Ну должна же быть управа? Ледка, он же абсолютно, абсолютно беспринципный. Он на все способен. Буквально на все.

– А тебя он чем держит, Лева?

– Диссертация эта, – брезгливо выговорил Лев Семенович, – протоколы, внутренняя защита, все...

– Лева, – тихо спросила Петрищенко, – ты хочешь сказать, это подделка?

– Нет, почему подделка? – Лев Семенович задвигал на столе руками. – Я сам планировал. То есть с его помощью, конечно. То есть под его руководством.

– А делал кто?

– Он раздавал как курсовые, дипломные заочникам, ну фрагменты темы, они и делали. А я сводил вместе, обсчитывал... выводы делал. То есть с его, конечно, помощью.

– Не знаю, – сказала она неуверенно, – если он твой научный руководитель, это, кажется, допустимо... Материал же не всегда сам диссертант собирает. Его же коллектив собирает.

Лев Семенович страдальчески сморщил лицо и заглянул ей в глаза.

– Ледка, ну, пожалуйста... тебе же это...

– Я не люблю, когда ты меня так называешь, – устало сказала Петрищенко. Она пошевелила под столом ногами, которые уже начали отекать.

– И потом, извини, это неубедительно. Пока что я не понимаю, чем он лично тебе досадил. Да, знаю, скользкий тип. Но он твой научный руководитель, вроде старается для тебя.

Наверняка что-то еще есть, думала она, что-то у Гереги есть на Леву. Он скользкий, Герега, ну и Лева тоже скользкий стал. Чиновник, типичный чиновник, и взгляд рыбий, и женился он тогда из-за карьеры, Римма же из такой семьи! Я всегда думала, если что, он мне поможет, Лева, а он сам ничего не может, жалкий такой, нет, мне не на кого надеяться, я совсем-совсем одна. И эта тварь меня съест. Наверняка это она меня подставила, всю контору подставила, не может быть, чтобы она не чувствовала, что там неладно что-то, она же такая сильная, самая сильная, наверное, во всей конторе,

может, во всем городе даже, потому ее и держат, без образования, без ничего...

– Так я пойду? – устало спросил Лев Семенович, как-то сразу погаснув.

Какой он низенький, подумала Петрищенко, а раньше я и не замечала. И лысинка эта, круглая.

– Лева, – сказала она, помолчав, – у нас в конторе есть такая Катюша, знаешь?

* * *

Вася шел, ссутулившись и спрятав руки в карманы. У штормовки много карманов, за это он ее и любил. А в карманах можно разместить всякие важные вещи, мелкие, но важные. Если меня связать и бросить в море, думал Вася, даже не надо наталкивать в карманы мелкие монеты, как гангстеры делали, меня и так потянет на дно.

Некоторое время он почему-то думал о штормовке, о содержимом карманов, например, о складном ноже с очень хорошей отверткой, маленькими ножницами и еще несколькими полезными приспособлениями, и сами мысли были маленькие, но отчетливые и дельные, как эти приспособления, думать такие мелкие мысли было приятно и безопасно. Он шел и смотрел вниз, под ноги, вернее, на носки кедров, на белые их мыски, под подошвы уходили желтые листья и стремительные полосатые тени. Неожиданно стало холодно. Он

поднял воротник штормовки, ссутулился и огляделся.

Тучи разошлись, над головой сияли холодные белые звезды, и под этими звездами, отбрасывая на землю тени, что-то перемещалось, словно гонимые ветром клочки мрака, трубя заунывно, проносясь по звездам, по холодным белым облакам, по разрывам между ними.

Вася стоял, запрокинув голову и приоткрыв рот. Тени вокруг него стали стремительно вращаться, плотная тень от платана, спутанная – от акаций, прямая – от фонарного столба; тени, полосы теней, все сдвинулось с места, под ногами у него сновали другие, пушистые тени, мохнатые комки мрака, и все они, словно перекаати-поле, подпрыгивая и ударяясь о землю, неслись на восток, на восток, на восток, и везде, везде, по всей пустынной ночной земле стоял тоскливый вой. Маленькие жалобные голоса, мяуканье, словно кошки, сотни кошек сорвались с места, и все это несло мимо него, а деревья вращались, и вращались над головой страшные белые звезды, и на восток, на восток неслась, всхлипывая и трубя, дикая охота...

Последние меховые комки, смешно и трогательно подпрыгивая, покатались догонять остальных, небо захлопнулось, и Вася остался один. Пространство вокруг словно забито ватой, не пропускающей ни звука, ни дальнего голоса, пустое, никакое, без следа шевеления жизни, наполнявшего его испокон веку...

Телефонная будка стояла на углу, поблескивая в свете

звезд неподвижной молнией треснувшего стекла. Он нахмурился и, вынув из кармана горсть мелочи, разложил ее на ладони, передвигая пальцем в поисках двушки.

* * *

В двери повернулся ключ. Осторожно. Надеется, что сплю, подумала Петрищенко. Она было взялась за реферат для ВИНТИ – завтра платить Генриетте и до получки останутся копейки, но поняла, что уже полчаса смотрит на английскую строчку, совершенно не понимая ее. Тогда она отложила реферат в сторону и теперь, грызя карандаш, разглядывала «Кроссворд с фрагментами», предлагавший назвать, в частности, химическую фракцию нефти, надо полагать, парафин, и подняла голову.

– Погуляла? – спросила она изо всех сил дружелюбно.

Лялька сразу бросилась в атаку.

– А ты когда обещала прийти? – Она села на калошницу и, морщась и удивительно напоминая при этом мать, стала стаскивать с ног сапоги-чулки. – Ты обещала в семь прийти. Ты обо мне подумала? Я же договорилась с одним человеком. Ты хочешь совсем меня дома запереть, да? Чтобы я с бабушкой сидела. А сама...

Она швырнула сапоги в угол, и они, опав голенищами, как пустые воздушные шарики, легли там, кособоко прижавшись друг к другу.

– Лялька, но бывает же ЧП.

– У тебя каждый день ЧП. Пожрать ничего нет?

– Ты же худеешь.

– Так что мне теперь? Умереть от голода?

Это гормоны, подумала Петрищенко, бушующие гормоны, они бьются в крови и не находят себе выхода. Поэтому все молодые такие жестокие. И скандалисты. Она сжала зубы и уставилась на фарфорового Пушкина, сидевшего за фарфоровым столиком, задумчиво подперев щеку, в другой фарфоровой руке – обломок пера. Перья эти ломаются первыми. Сколько она видела таких Пушкиных, и у всех сломаны перья.

– Ну, иди, поешь. Я колбасу купила.

– Эту дрянь есть невозможно, – высокомерно сказала дочка.

– Где ж я тебе другую возьму?

– У всех нормальные матери, – завелась Лялька, – они готовят. Домашнюю еду, слышала такое слово? А мы все время жрем всухомятку, ты посмотри на меня... Вот это, вот на эту складку, нет, ты посмотри...

– Лялька, ну это просто гены. Наследственность.

– Это неправильное питание, – упиралась Лялька, – ты меня насильно кашей закармливала. Манной. Вот и сорвала мне обмен.

– Когда я тебя закармливала?

– А в детстве. Тебе лень было в молочную кухню, и ты

кашу...

– Что ты можешь помнить?

– Бабушка сказала, – охотно пояснила дочь.

– Твоя бабушка уже лет десять сама не помнит, что говорит. А ты, если так ее мнение уважаешь, вот сидела бы с ней, вместо того чтобы по гулянкам...

– А тебе жалко, да? Хочешь меня дома запереть? – Голос у Ляльки сразу сделался высоким и злым.

Петрищенко, сообразив, что препирательство пошло по второму кругу, махнула рукой.

– Сапоги хоть на место поставь, – сказала она безнадежно.

Лялька, двумя пальцами держа сапоги за скользкие кленчатые голенища, запихивала их в шкаф в прихожей.

– Ты их вытерла? Там мокро, на улице.

– Меня подвезли, – холодно ответила дочка, – на машине.

У Петрищенко нехорошо заныло под ложечкой. Машина? У кого, откуда? Она ж ничего не говорит, зараза.

Порыв ветра навалился на окно, что-то звякнуло, взвился край тюлевой занавески. Она подошла к окну, приложила обе ладони к стеклу, ощущая, как оно содрогается под напором воздуха.

Неровные, размазанные тени веток и облаков пронеслись по стеклу, а за ее спиной, в комнате, звонил и дергался серенький телефон.

– Совсем с ума сошли, – пробормотала она.

– Не трогай. – Лялька кинулась к телефону, как тигрица,

оттирая ее локтем. На Петрищенко пахнуло разгоряченным телом, почему-то сигаретным дымом (курят они там втихую, знаю я их) и еще чем-то кислым и неприятным. – Это меня...

– Скажи своему кавалеру, – кисло сказала Петрищенко, с удовольствием выговаривая противное слово «кавалер», но, видя, как у Ляльки, схватившей трубку и прижавшей ее к уху обеими руками, обиженно вытягивается лицо, замолкла.

– Это тебя, – сухо сказала Лялька. Она бросила трубку на тумбочку, и та, соскользнув, висела, беспомощно поворачиваясь на шнуре.

– Кто? – Петрищенко вновь почувствовала мягкий удар под ложечку. Она оглянулась на Ляльку, но та, демонстративно топая, прошла мимо в ванную и включила воду на полную мощность.

– Что? – перекрикивая воду, спросила Петрищенко.

– Лена Сергеевна, – сквозь треск орал в трубку далекий голос, – это я... Я тут шел, дай, думаю, позвоню.

– Ты откуда? Откуда звонишь?

– Да хрен его тут поймешь, – злобно сказал Вася. – Тут, это... замучаешься, пока телефон неразбитый найдешь. Вот же шпана поганая.

– Вася, ты что, выпил? Тебе завтра судно работать... Я же тебе говорила сколько раз...

– Да ни хрена я не выпил, Лена Сергеевна. Я провалился.

– Что?

– Ну, как бы ни с того ни с сего. Знаете, как это бывает.

– Нет, – ответила Петрищенко.

– Ну, фиг с ним, в общем, шел-шел, и раз! Провалился. Наверное, сдвинулось там что-то. Потому что это, паника там, в нижнем мире. Уходят они. Отваливают. Вся мелочь в панике.

– Что ты такое говоришь, Вася? – Она оглянулась, но Лялька все еще шумела в ванной, и тогда она позволила себе прислониться к стене и закрыть глаза.

– Он всех распугал, Лена Сергеевна. Говорю вам, это кто-то страшный... Ох, страшный. А эти суки нам никого в помощь не дают. Не дают ведь?

– Ну, я еще завтра поговорю, Вася.

– Пусто все, – жаловался Вася, – на всей земле пусто... Никогда так еще не было, Лена Сергеевна.

Петрищенко помолчала, провела по лицу рукой и тем самым сбила набок очки. Хотела поправить, но они упали в щель между стеной и тумбочкой, и она никак не могла сейчас до них дотянуться.

* * *

Она собрала в стопочку нарезанный сыр и подложила в холодильник, к большому куску сыра, рядом с которым прел кубик сахара. Один ломтик машинально укусила. Сыр оказался пресным и резиновым. Духи «Дзинтарс», которыми она поспешно подушилась, когда пришел Лева, вообще-то ей

направились, но, кажется, она плеснула на себя слишком много. Приторный какой-то запах...

Лампочка в холодильнике перегорела. И лампочка-свечка в бра над столом – тоже. Почему все начинает обрушиваться как-то сразу?

Одиночество навалилось, как прелое ватное одеяло.

Лялька такая симпатичная была, когда маленькая. Ходила, переваливаясь на пухлых ножках, говорила басом. Очень серьезная. Очень трогательная. И беспомощная – а значит, ей, Елене Сергеевне Петрищенко, просто необходимо было стать сильной и здоровой. Они были вместе, они были одним целым, она даже с мамой помирилась. Потому что надо было, чтобы кто-то сидел с Лялькой, когда она болела, и забирал ее сначала из садика, потом из школы. А мама не хотела. Маме казалось, что она еще молодая и у нее своя жизнь. Она вдруг вспомнила, как мама, уже после папы, на отложенные для английского репетитора деньги купила себе светлое габардиновое пальто, и даже на миг зажмурилась от ненависти.

СЭС-2 гнилое место. А куда деваться? Оклад хороший, премиальные. И надбавка за вредность. А Лялька выросла, и они больше не одно целое, а каждый сам по себе. И Лялька, кажется, ее ненавидит. Страшная, злокачественная форма ненависти, циркулирующая в их убогой семье, замкнутая, не находящая выхода.

Есть же семьи, где все в порядке, ну, я не знаю, полные семьи, и там все трудности преодолеваются вместе... У всех

ее знакомых семьи какие-то убогие – или муж пьет, или нету его, или просто тихо ненавидят друг друга, но ведь должны же быть. Ну, вот у Левы, например...

Она опять на миг зажмурилась, в носу защипало.

Они меня съедят, подумала она. Съедят. Господи, до чего же глупое слово.

* * *

Дом выглядывал эркером-фонарем на разрытую улицу. Фасад облупился, с карниза осыпалась лепнина, кое-где торчали ржавые погнутые прутья.

– В Москве, наверное, фасады мыльным порошком моют, – прокомментировал Вася ни с того ни с сего.

На третий этаж вела широкая мраморная лестница, со щербинами на ступеньках. На мраморном подоконнике, сложив крылья, лежала серая ночная бабочка. Дверной косяк усеян фурункулами звонков.

– В коммуналке живет товарищ, – проницательно заметил Вася, нажимая на кнопку над табличкой, «Трофименко – 2 звонка», – мне бы такую коммуналку.

Какое-то время ничего не происходило, затем за дверью послышались осторожные шаги, дверь приоткрылась на ширину цепочки, и в щелку выглянул блестящий глаз.

– Коля, это из Пароходства, – дружелюбно сказал Вася.

– А точнее? – спросили за дверью.

– СЭС номер два, если точнее. Но неофициально. Пока еще.

– А! – За дверью зашаркали тапочками, и кожа у Петрищенко на предплечьях тут же покрылась мурашками, – она не выносила этого звука. – Учтите, я списался.

– Гм, – сказал Вася, – а поговорить бы все равно надо.

Дверь отворилась. Трофименко стоял в майке и трусах. Увидев Петрищенко, он смутился.

– Подождите, – сказал он, – я сейчас.

– Гордый, – тихонько пояснил Вася.

Ответить Петрищенко не успела, поскольку сэконд опять возник на пороге, на сей раз в нейлоновом тренировочном костюме, синем с белой молнией.

– Вот теперь проходите, – он указал рукой в неопределенном направлении, – сюда. Направо и еще раз направо. Третья дверь. Нет-нет, не сюда. Там галюн. Мористее загребайте.

Окно в торце комнаты-пенала выходило на перекресток, где, мигая желтым, стоял асфальтоукладчик. По обоям ползли пятна сырости. На стене висел на плечиках белоснежный китель, прихлопнутый фуражкой с крабом. Рядом, на календаре, застенчиво прикрывала рот подмигивающая японка.

Петрищенко подвинула себе венский стул с гнутой спинкой, но ножка за что-то зацепилась.

– Извиняюсь, – сказал сэконд.

Под стулом высился неровный строй пустых бутылок.

Вася уселся на диван и какое-то время мрачно разглядывал

вал сэконда. Тот занервничал, на верхней подбритой губе выступили капельки пота.

– Извиняюсь за бардак, – повторил он, – мы с супругой разошлись... ну, разменялись... остался диван, вот, а что?

– А что? – доброжелательно переспросил Вася.

– Погода паршивая, – сказал Трофименко, – спину так и ломит. Застудил в прошлом рейсе. Сыро.

– И не говори, – согласился Вася, достал пачку «Беломора» и стал стучать по доньшку, выстукивая папиросу.

– Ну, – Трофименко глубоко вздохнул, – грубо говоря, чем обязан?

– А ты, друг, так уж и не знаешь? Нет?

– Это с «Мокряком» связано? Или как?

– Тебе «Мокряка» мало, друг? – печально сказал Вася.

Он поднялся с дивана, взял ободранную табуретку и устроился на ней верхом.

– Все тайное, – укоризненно сказал он, – когда-нибудь становится явным.

– Ну да? – удивился сэконд.

– Вы, случайно, – ласково спросил Вася, – совершенно случайно, ничего на берег не списали? В обход СЭС-2... Ну, мало ли что, острый аппендицит или там острый психоз, э?

– Таки Бабкин, – печально заметил сэконд.

– Таки Бабкин, – согласился Вася.

– Так я и знал! – сказал сэконд и замолчал.

– Да? – подсказал Вася.

– Кэп для «Мокряка» премию, ну, экипажу... непопулярен он был, хотел популярность поднять... вот и дал отмашку. А что?

– Да ничего, собственно, – сказал Вася, – ну, как бы отвечать придется. А у нас тоже премия горит, из-за вас, между прочим.

– Вы это... на работе пьете? – тоскливо спросил сэконд. – Только у меня рюмок нет. Одна вот, для дамы.

* * *

– Мы Океан любим, песни про него поем, а он нас нет.

Трофименко подлил Васе водки. Петрищенко поморщилась, но промолчала.

– То есть, ну, терпит иногда... кое-кого. Но вообще нет, не любит. Потому что мы сверху его тревожим. И еще потому, что теплые и гудим. Винты, всякие токи, вибрация. Его и раздражает.

– Постой, – вмешался Вася, – а киты?

– Что – киты?

– Они тоже теплые и гудят. Я читал, они песни поют, идет стадо и поет, а другое стадо за тысячу километров его слышит.

– Киты, – сказал сэконд, – явление природное. Океан к ним привык. А мы каких-то паршивых двести лет плаваем на железках. Ему противно. Зудит везде. Вроде блох или еще

чего похуже.

– Ты, Коля, – доброжелательно сказал Вася, – фантастику любишь. Стругацкие, Лем... Мыслящая плазма, то-се...

– А какая разница? Я читал, вода, если ее много, тоже не просто вода. Вся между собой связана. Вся.

– Ты хочешь сказать, мой мариман, что весь Мировой океан – одна большая молекула? – уточнил Вася.

– Ну да. И внутри нее, внутри этой штуки все движется. Течения глубинные, донные... Слои пресной воды, тяжелой воды, холодной воды. И галлюцинирует он, сам себе, просто так, для интереса. То есть, я думаю, НЛО всякие... это его глюки. Недаром люди видели, как они из океана взлетали. А до этого – сирены, русалки. Чудовища на скалах. Тоже глюки. Он наводит. Он и «Марию Целесту» распугал. Нарочно.

– Насчет НЛО не уверен, – возразил Вася, – Леонов вроде видел, когда в открытый космос выходил. Кстати, американцы наблюдали на обратной стороне Луны какие-то корабли на грунте. Вообще – объекты на грунте. И огни.

– Вася, а ты откуда знаешь? – удивилась Петрищенко.

– Так записи переговоров же есть, – пояснил Вася.

– Наверняка секретные.

– Ну и что?

– Верно, – согласился Трофименко. – От людей ничего не скроешь. Ну, будьмо.

– Будьмо. Я так думаю, их лет через тридцать рассекретят. Тогда мы все узнаем. Есть на Луне наши братья по разуму

или нет. И какого черта они там делают. Так ты из-за НЛО списался или что?

– При чем тут НЛО, – отмахнулся Трофименко. – Что я, НЛО не видел? Просто нервы стали никуда.

– Это я вижу. Пить, Коля, надо меньше. Я знаю, я опытный.

– Ни хрена ты не видишь. Что пальцы трясутся, это, извиняюсь, фигня. Цветочки. А ягодки это там, в море. Прикинь, восьмибалльный вторую неделю подряд, вахта тяжелая, несколько ночей не спал. И вот начинаю слышать музыку. Играет все время, играет. И казачий хор поет.

– Радио у кого-то играет, а тебе фонит. По переборке или там вентиляция...

– Я и сам сначала так подумал. Но казачий хор петь пять часов подряд не может! А потом оно еще со мной говорить начало.

– Кто?

– Так радио же. Боцман, говорит, соскочить собирается, ты рапорт на него подай, а не подашь, тебя из каюты выселят. А у меня хорошая каюта была, удобная. Жалко.

– Подал рапорт?

– Вот еще. Буду я какому-то радио верить. Боцман у нас хороший мужик, старательный.

– Соскочил?

– Где? Посреди океана? Нет, в порту приписки сошел, все как положено, не просыхал весь рейс – это да. Но знаешь, что

смешно? Из каюты-то и правда выселили, к третьему под-селили. Под совершенно идиотским предлогом. Все, думаю, пора на берег. Жена опять же заела. Хватит, хватит, мол, поживем как люди. А сама взяла и ушла, с этим... И где были мои глаза? Ведь что такое крашенная блондинка? Заведомо нечестная женщина!

– Коля, ты гонишь. Уводишь от темы. Ты про последний рейс давай.

Трофименко покачал в стакане водку, на манер коньяка, он и стакан держал словно коньячную пузатенькую рюмку.

– Да, – сказал он наконец, – паршивый рейс. Хуже еще не было. Заводили судно в порт, чуть танкер кормой не задела... И вообще паршиво, собачились всю дорогу, комсостав собачился, а это последнее дело. Бабкин этот ходит, и лицо у него...

– Да?

– Уши острые, или... если краем глаза посмотреть, так и не Бабкин вовсе... и усмехается. А потом и вовсе рехнулся, все бежать куда-то пытался. Повязали его.

Он замолк.

Слышно было, как за дверь в длинном темном коридоре старуха говорит по телефону, жалуясь на плохое пищеварение.

– Выпьешь еще?

– Я да, – охотно согласился Вася. – Не смотрите так, Лена Сергеевна, я в норме. Закусить у тебя есть чем, друг?

– Шпроты где-то были, – неопределенно ответил Трофименко.

– Тащи их сюда.

Трофименко вышел, зацепившись плечом о дверной косяк. Вася оглянулся на дверь, быстро встал, провел руками по кителю, сверху вниз, и вернулся на место.

Вернулся сэконд, поставил на стол банку плавающих в масле шпрот, и к ним – нарезанный толстыми ломтями серый зачерствевший хлеб. Петрищенко вдруг поняла, что ему, сэконду, перед ними, и особенно перед ней, очень неловко и что сэконд привык к совсем другой жизни, легкой и красивой.

– Будьмо?

– Будьмо.

Вася положил шпротину на хлеб, полюбовался, отправил в рот и сказал:

– Вот, люблю я балтийский шпрот. Анчауса наши неплохо делают, а шпрот загубили.

– Да! – с пониманием кивнул сэконд.

– Или там, например, килька. Маленькая. Лучку крошишь, зелененького, ее на черный хлеб... А она вся в маринаде, перчик, травка на ней... Еще селедка с картошкой, чтоб картошка горячая, рассыпчатая, и соленый огурчик, но это все-таки зимняя еда. И под водочку, под водочку ее. Или настойку, горькую.

– Еще маслята хорошо, – сказал сэконд, – сопливень-

кие такие... а за бугром нормальных грибов нет совсем, какая-то, извиняюсь, дрянь в жестянках, тинз, совсем есть невозможно, безвкусная как резина, веришь, нет?

– Угу, – сказал Вася и выудил еще одну шпротину. Положил на хлеб, полюбовался...

– Вернемся к Бабкину, ага? Он вообще когда двинулся?

– Ну, он всегда психованный был, – сэконд задумался, покачал в руке стакан, – чуть не по нем, сразу в морду. Он в порту, в канадском, подрался, еле разняли.

– Где, на погрузке?

– Ага. С индейцем каким-то. Еле растащили. Тот Бабкина оскорбил, Бабкин на трапе как раз стоял, с вахтенным трепался. Ну, и...

– Чем оскорбил, конкретно?

– Валите, мол, отсюда... Ну, гоу эвэй, гоу эвэй... Такой себе индеец, хуже бичей наших, в порту все время ошивался, сигареты стрелял. А тут ни с того ни с сего руками машет, на Бабкина орет, кроет его. На самом деле, я тебе скажу, не любят наших. Даже пролетарии не любят. Даже нацмены. Соберутся и давай крыть. Рашн, гоу хоум, все такое... Мы с ними как с людьми, а они тут же в морду. Третий на берег запретил сходить – провокаций боялся.

– Понятно, – сказал Вася, – гоу эвэй, значит...

– Им кричали с берега, уходите, мол, а они, дурачки, решили, что это провокация американская. А здесь, видишь, с Бабкина соскочил и пошел себе. Но я про такого, Лена Сергеевна, первый раз слышу! Видно, эндемик.

– Эндемик, да. Мне, Вася, не нравится вот это твое пьянство на работе. Вот это твое пьянство мне не нравится.

– А с такими иначе нельзя, Лена Сергеевна. Он бы замкнулся в себе, хрен чего узнаешь. Гордый. Гонор у него. А так все понятно. Гоу эвэй. Индейцы. Что будем делать, а?

– Капитана под суд, – мечтательно сказала Петрищенко.

– Ну, снимут его в ближайшем порту, это уж точно. А нам-то что делать? Я вот, Лена Сергеевна, все, что по Канаде есть, поднял. Ни фига не понятно. В Институт США и Канады надо звонить, в Москву. Лещинский даст добро, сразу и отзовим.

– Что у нас вообще по «Мокряку» есть, Вася?

– Ну, зерновоз. Самый крупный зерновоз в истории кораблестроения, между прочим. Кто у нас на зерне живет, Лена Сергеевна?

– Головня и спорынья, – механически ответила Петрищенко.

– Да, еще мыши, долгоносики всякие. Из наших кто?

– Ни разу такого не слышала. Говорят, при Хрущеве один

раз юм-кааш к кукурузе прицепился. Тогда много кукурузы закупали, на зерно. Но, по-моему, врут.

– Хрен его знают, Лена Сергеевна, может, и не врут. Тогда с доступом еще хуже было, все секретили. Что там делалось, непонятно. Хрен с ней, с кукурузой, а вот на пшенице кто сидит?

– По-моему, никто, Вася. Пшеница – поздняя культура. Особенно мягкие сорта.

– Кто-нибудь универсальный может сесть. Нет?

– Ну, в принципе, может, – Петрищенко задумалась, – какая-нибудь мелочь. Дух плодородия там... У тебя, кстати, Вася, диплом по малым народам, нет? Как раз по палеоазиатам. Какие у канадских индейцев духи плодородия?

– Не знаю, смотреть надо. Ничего себе мелочь! Америкасы вообще самые паскуды. И с вывихом каким-то, все палеоазиаты с вывихом. Я бы чего сделал? Нагнал бы народу побольше, кольцо бы замкнул и гнал бы его, тварюку эту, пока не вытолкнул в нижний мир.

– Откуда народ брать, Вася? Кого брать? Белкину?

– Лещинский что, совсем дурак? Понимать же должен.

– Понимать-то он понимает. Только над ним тоже начальство есть. Оно, Вася, страшнее индейских духов плодородия. Вот он и тянет до последнего.

– Хуже будет, – зловеще сказал Вася.

– Хуже не будет, – печально ответила Петрищенко.

– Розалия, – строго сказал Вася, – что ты вообще делаешь на работе?

– Ну, – Розка захлопнула «Анжелику», но так ловко, как это получалось у Катюши, затолкать ее в ящик стола не могла. Тем более пухлая «Анжелика» в ящик не влезала.

– Во дни моей суровой молодости, – продолжал Вася, – все романтические девицы зачитывались «Птичкой певчей». Турецкая такая книжка, про Гюльбешекер. Читала?

– Нет.

– И слава богу. Я бы тебе вообще, Розалия, на работе советовал заниматься делом.

– Каким делом? – скорбно сказала Розка. – Каким делом, Вася?

– Ну, я не знаю... Может, Чашкам Петри нужно чего? У них там тоже иногда... ну, Анналы всякие, рефераты, то-се. Хочешь, я поговорю?

– Я не хочу... рефераты, – губы у Розки задрожали. – И вообще, – она оглянулась на пустой столик у окна, – почему Катюше можно, а мне нельзя?

– Катюша, – строго сказал Вася, – на особом положении. А тебя еще раз с книгой увижу на рабочем месте, с посторонней, выговор, на первый раз без занесения...

Розка начала было фыркать, как рассерженная кошка, но

Вася, очень довольный, захохотал. Но как-то невесело.

– Ну тебя, – сказала сердитая Розка.

– Ты правда по-английски понимаешь? Или врешь для понту?

– Ну, понимаю. – Розка подумала и честно добавила: – Немного.

– Тогда вот. – Вася расстегнул необъятный потрепанный рюкзак и стал там рыться. – Вот тебе такая книжка. Почитай, законспектируй. Все такое. А я тебя потом спрошу. Только, – он сделал страшные глаза и огляделся, – конспект вон в тот сейф будешь класть каждый вечер. Под расписку. И книгу тоже.

– Опять врешь, – проницательно сказала Розка.

– Ну... – Вася подумал, – преувеличиваю. Слегка. Очень важная книга. Очень страшная.

– Клод Леви-Стресс, – прочла Розка, водя пальцем по обложке, – это кто? «Взаимоотношения... между ритуалами и мифами... ближних людей».

– Соседних народов, дурында, – сказал Вася.

– Ну да, соседних народов. Я просто сразу не поняла. Конечно, соседних народов. А зачем тебе?

– Для кандминимума, реферат буду писать, – пояснил Вася.

– А чего это я...

– А ты обязана исполнять любое мое желание. Ясно? Потому что ты маленькая и беззащитная. Даже я над тобой на-

чальник. Ясно?

– Ну... У тебя что-то из рюкзака выпало.

– А! – Вася наклонился и поднял пучок черных перьев, связанных метелочкой.

– Вася, это что? – спросила пораженная Розка.

– Очень важная вещь, – рассеянно ответил Вася, заталкивая пучок обратно в рюкзак, – ладно, я пошел. Мне еще кубинца работать. А ты пока книжку почитай, все дело. И, это... ты Лену Сергеевну не очень зли, ладно? А то она тебя в жабу превратит.

– А она может? – с замиранием сердца спросила Розка.

– Надеюсь, – печально сказал Вася, – у всех есть скрытые возможности. Должны быть. Иначе какой смысл жить на земле? Ладно, пока. Чао-какао.

Он подхватил рюкзак, помахал ей рукой и вышел. Розка вздохнула, покосилась на дверь, затолкала Леви-Стросса в ящик стола и опять взялась за «Анжелику».

«В голубых клубках табачного дыма, проникавших через открытую дверь, Анжелика казалась неправдоподобно прекрасной. В этой хрупкой и нежной женщине нельзя было узнать ту, не знавшую усталости всадницу, вместе с которой он проделал весь путь от самого Голдсборо. Она словно сошла с одной из тех картин, что висят во дворце губернатора Квебека, и стояла сейчас перед ним с золотистыми распущенными волосами, в ярко-малиновом плаще, положив тонкую белую руку в кружевном манжете на грубо обструганные

перила».

Розка посидела еще с минуту, поджав под себя ногу. Потом встала и подошла к круглому зеркалу рядом с вешалкой, вытащила из рукава зеленого пальто розовый японский платочек с золотой ниткой и повязала его на шее бантом, после чего изящно облокотилась о вешалку и поглядела в зеркало. Она попробовала выглядеть загадочно и томно, но получилось как-то неубедительно, вдобавок она отчаянно напонила себе котенка из Катюшиного календаря.

– Очень приятно, шевадье, – томно произнесла она, улыбаясь и расправляя рукой концы шарфа, – позвольте выразить вам... выразить вам...

– Роза, – произнесла Петрищенко с отвращением, – что это ты делаешь?

* * *

– Опять наш? – Вася прикрыл глаза и на какое-то время замолк, что было непривычно и страшно, потом так же, с закрытыми глазами, полез в карман за «Беломором», и Петрищенко, которая вообще-то в кабинете курить не разрешала, на сей раз промолчала.

За окном дул ветер, на ярко-синих волнах блестели белые гребни, и даже отсюда было видно, какое оно, это море, холодное.

– Как Лещинский? – спросил Вася на всякий случай.

– Уже даже и не кричит, – ответила она печально.

– Он хотя бы помощь какую даст?

– Говорит, даст.

– А вы этого видели? Ну, этого...

– Видела, – вздохнула она. – Лещинский на машине отвез.

На своей.

– Точно наш?

– Куда точнее, Вася.

Она прислушалась к себе. Там, где раньше сидел противный, гложущий страх, сейчас была пустота. «Когда я перестала бояться? – подумала она. – И почему?»

– Хотя бы известно, кто?

– Человек, – устало сказала она. – Александр Борисович Бескаравайный. На стадионе его нашли, на беговой дорожке. Поздно вечером. Практически ночью. Там по вечерам всякие любители бегают, они его и нашли.

– Ноги? – деловито спросил Вася.

– Да.

– В порту работал?

– На метеостанции. Такой... По всему, немножко с приветом.

– А что он делал на стадионе?

– Бегал. Каждый вечер. Каждый вечер на стадионе.

– Это который «Трудовые резервы»?

– Да.

– Понятно, – задумчиво произнес Вася, при этом он про-

должал разминать папиросу, не замечая, что из нее уже сыпалась труха. – То есть ничего не понятно...

– Кто это, Вася? Кто это может быть? – шепотом спросила Петрищенко.

– Не знаю, Лена Сергеевна. Нетипичный случай. Не знаю. Двое – слишком маленькая статистика.

– Типун тебе на язык.

– Я к тому, что непонятно, где тут общее. Ну, правда, оба – мужчины. Непонятно, это важно или нет. Один грузчик, ну, водитель автокара, а этот...

– Бездельник, – твердо сказала Петрищенко. – Тунеядец. Я говорила с его женой, – она передернулась от тоски и ужаса, – она дом на себе тянула, а он – дурака валял; работа не бей лежачего... За собой следил, голодал по системе, бегал. Философский труд писал.

– Тогда он не тунеядец, а философ, – рассудительно сказал Вася, – философ-надомник. В общем, поглядеть надо – в кадрах взять... все, что есть; трудовая, характеристика, может, карточка из поликлиники... Сядем, разложим, подумаем. Вместе сядем...

– Вместе сядем, это точно, – машинально отозвалась она.

– Да ну вас, Лена Сергеевна, все шутите. А что жене сказали?

– Показали лицо, ноги не стали. Сказали, маньяка работа. Похоронят в закрытом гробу. Ты кубинца отработал?

– Ага. Чисто все. Сейчас на кубинцев редко что цепляет-

ся. Я, Лена Сергеевна, по порту походил, поглядел. Нет его в порту, ну, это теперь понятно. Он на склонах ошивается, около стадиона. Я пойду туда, пощупаю, ага? Пока светло. Розку с собой возьму.

– Белкину? Это еще зачем?

– Вот вы ее посадили рядом с Катюшей, а это нехорошо, Лена Сергеевна. Вредно ей это. Потом, ходит один мужик, выспрашивает... непонятно. А с Розкой – понятно, что глупость одна.

– Она, Вася, по-моему, и вправду дура.

– Да нет, просто зеленая еще. Зелененькая. Глупенькая. И пальто у нее зеленое. И ногти. А шарфик – розовый, оцените, Лена Сергеевна. Может, все-таки проинструктировать ее, на всякий случай? Серьезное ведь дело.

– Страшное дело, Вася. Не надо пока, просто скажи ей, ну...

– Уж найду что, вы не волнуйтесь, Лена Сергеевна. Так я пошел?

– Ладно, Вася, иди. Вернешься, подумаем вместе. А я пока личные дела в кадрах затребую. И это, осторожней, а?

– Кому вы это говорите, Лена Сергеевна? – удивился Вася.

* * *

– Вот ты на каблуках ходишь, – упрекнул Вася, – а это вредно. Искривляет свод стопы. Будешь потом хромать, как

японка. Япо-оночка.

– Как хочу, так и хожу, – буркнула Розка, краснея.

– Нет, вообще-то все верно, – рассуждал Вася, – это у тебя правильные инстинкты. Каблук зрительно изменяет соотношение бедра и голени и тем самым делает женские ноги более привлекательными. Ивана Ефремова читала? «Лезвие бритвы»?

– Не-а.

– Ну темная! – удивился Вася и достал из кармана потрепанную «Иностранку». – И «Таис Афинскую» не читала?

– Нет.

– Я тебе принесу. Тебе понравиться должно. Романтика-эротика, любовь-морковь. Полезная для тебя книга, вот... А что это у тебя в сумочке, такое квадратное? Толстенькое такое? Леви-Стросс?

– Нет, «Анжелика», – буркнула Розка и покраснела.

– Ты безнадежна. В кино сходить с тобой, что ли? – задумался Вася. – В «Родине» как раз «Анжелика и король» идет. Вот же дурной фильм! Но красивый. Буржуазный.

– А ты что, уже смотрел? – заинтересовалась Розка.

– Ну смотрел. Водил тут одну. Но ведь можно же еще раз сходить.

Розку, честно говоря, еще никто не приглашал в кино. Никто. Никогда.

А Розка так старалась. Она даже купила у цыганок тушь – страшную, липкую, черную тушь в спичечном коробке, но

мама ее нашла и выкинула. Она сказала, что цыганки туда кладут ваксу. Им, цыганкам, все равно, что будет у нее, у Розки, с глазами.

Анжелике в такой ситуации полагалось откинуть голову и призывно засмеяться. Розка уже было начала откидывать голову, но в шею врезался проклятый капроновый шарфик.

– На той неделе, ага? Ты только сбегай заранее, билеты купи, – сказал Вася, – а то перед сеансом не протолкнешься. Особенно на вечерние.

– Я вообще-то вечерами все больше занята, – величественно сказала она, – подготовительные курсы, и вообще...

– Да ладно врать-то, – миролюбиво сказал Вася. – Послушай... а можно тебе задать один вопрос... очень личный?

– Да? – выдохнула Розка.

– Как тебе удалось добиться такой нечеловеческой раскраски ногтей?

Розка прикусила губу.

– Ну, – сказала она наконец, – вообще это просто. Берешь зеленый стержень, ну, пастовый, обрезаешь шарик. Потом выдуваешь пасту в белый перламутровый лак. Перемешиваешь. Ну вот...

– Ужас, – честно сказал Вася.

– Я сведу, – на всякий случай пообещала Розка.

– Да, и поскорее. А то, когда я смотрю на твои ногти, мне есть не хочется. Ладно, еще посидим немножко и пойдем, купим по пирожку.

– А зачем мы вообще здесь сидим?

Пустые скамьи стадиона «Трудовые резервы» обтекал прохладный прозрачный воздух, на свежеекрашенных скамейках выступила роса. Море вдалеке за деревьями переливалось розовым и сиреневым, как голубиная грудка, и свет вокруг был розовым и сиреневым. Печальный уходящий свет, от которого замирает сердце и делается ни с того ни с сего невыносимо грустно и прекрасно. Мерцает воздух, и свет все льется и льется, и вдалеке, за морем, льется он на чужие странные города, в которых она, Розка, возможно, когда-нибудь побывает.

– Во-первых, – сказал Вася, – на свежем воздухе полезно. Во-вторых, это подшефный стадион Пароходства. Общественная работа. Ходим, выясняем, нет ли нареканий, жалоб...

– Мы же сидим!

– Знающий человек сидит над рекой и ждет, когда река сама принесет ему жалобы и нарекания, – значительно сказал Вася, – так оно чаще всего и происходит.

– А разве спортсмены сейчас тренируются? Мне казалось, они по утрам.

– Мы поощряем любительский спорт. Что ж ты, Розалия, дикая какая-то, постановления Партии и Правительства не изучаешь! Мы поощряем спорт в широких массах. Но и серьезный спорт не забываем, стране нужны олимпийские медали.

– А-а...

Розка ничего не поняла, но на всякий случай кивнула.

– А еще спросить можно? А то я не понимаю...

Печальное лицо Петрищенко, со съехавшим набок ши-
ньоном-куличиком, плавало у нее перед глазами.

– Я тоже много чего не понимаю, – мрачно сказал Вася. –
Например, что они кладут в сосиски. Не надо было мне в
столовой сосиски брать. Что они в котлеты кладут, я пони-
маю.

– Нет, я не про то. Я про нас.

– Да ну? Про нас с тобой? – удивился Вася.

– Нет, – Розка начала стремительно краснеть. – Я, вот... в
СЭС-один хотя бы понятно, они заразой всякой занимаются.
А мы чем?

– Как это – чем. – Вася оглянулся по сторонам, выпучил
узковатые татарские глаза и шепотом сказал: – Мы – послед-
ний рубеж обороны.

– А? – Розка в свою очередь вытаращилась на него.

– Ты знаешь, сколько в мире сил, которым люди доброй
воли, что кость в горле? Спят и видят, как бы Олимпиаду сор-
вать... и вообще все погубить... Поэтому мы под скромной
личиной СЭС... СЭС-один с вредителями борется, с жучка-
ми-долгоносиками, а мы с другими... хотя тоже долгоноси-
ками...

– Вася, но...

– Чш... – Вася выпучился еще страшнее. – Ты знаешь,

что у цыганок на базаре появилась отравленная тушь? Наши женщины мажут этой тушью ресницы в погоне за ложными идеалами, а в каком свете потом они все видят? Вот. А еще помада... купила тут одна помаду, красила-красила губы, потом какие-то пузырьки подозрительные стали появляться... Она тогда смотрит-смотрит, а на футлярчике написано мелко так, по-английски: «Спасибо за распространение сифилиса!»

– Это в пятом классе...

– В пятом классе понимают, что говорят. Дети все понимают. У них еще мозги не зашорены.

– Ты еще про отравленные конфеты...

– А что отравленные конфеты? Ты знаешь, Розалия, что такое отравленная конфета? А если ее подсунут нашему спортсмену-олимпийцу? Ведь были такие случаи, Розалия! Теперь ты все знаешь. Я сказал!

Розке сделалось неловко, потому что Вася нес очевидную чушь, а она робела возразить. Она вообще относилась к чужим высказываниям с большой степенью доверия, но потом все же не выдержала.

– Вася, – она даже покраснела от стыда и злости, – что ты... вы... зачем?

– Все тебе расскажи, – сказал очень довольный Вася. – Вот так, за здорово живешь! Вырастешь, Роза, узнаешь... Будешь отчаянно молить, чтобы сняли с тебя страшный груз ответственности, поскольку не такое это простое дело, Ро-

зочка, стоять на страже мира и прогресса!

– Дурак, – с чувством сказала красная Розка, потому что постигла полную Васину непошибаемость. – А ты вот кто по специальности?

– Физик-ядерщик, – твердо сказал Вася, – меня перебрали сюда из секретного ящика. Я, знаешь, какую бомбу делал!

– Врешь, – с удовольствием сказала Розка.

– Хитрая ты, Розка, – с удовольствием сказал Вася, – настырная. В институт хочешь? На иняз?

– На эргээф. Ага.

– За границу хочешь? Своими глазами поглядеть, как там они разлагаются?

– Ага...

– Тогда не спрашивай меня ни о чем! – торжественно сказал Вася и скрестил руки на груди. – Вон, видишь, бегун бежит.

Дорожка была посыпана чем-то мелким и красно-розовым, и лиловый свет лился на нее с неба, и от этого тени, пересекающие дорожку, казались густо-лиловыми. Немолодой сухощавый бегун был из тех, подумала Розка, что следят за своим здоровьем, промывают желудок всякой дрянью и едят все сырое.

На нижней скамейке аккуратной стопкой лежала его штормовка, почти такая же, как у Васи, но застиранная добела.

– Видишь, какой умный, – сказал Вася с уважением, – куртку бы увели, потому что и на стадионе, Розалия, случается всякое. А он в штормовке пришел.

Бегун аккуратно протрусил два круга, остановился и начал шагать на одном месте, резко вдыхая и выдыхая. Вдыхал он через нос, а выдыхал через рот, шумно и резко: «Ххха!»

– Здоровый образ жизни, – Вася постучал «беломориной» о ноготь, – это очень важно.

– Ну да, – на всякий случай согласилась Розка.

Мужик продолжал свои упражнения, но Розка заметила, что он поглядывает в их сторону с опаской.

Вася доброжелательно помахал ему рукой и выпустил облако дыма.

Мужик занервничал и начал нагибаться и разгибаться в тщетной надежде, что Васе с Розкой надоест и они уйдут. Но Вася не уходил, а, напротив, раскрыл «Иностранку» и погрузился в чтение, всем своим видом показывая, что обосновался он тут прочно и основательно. Розка заглянула ему через плечо. Он читал «Сто лет одиночества».

Розка подумал, и достала из сумочки «Анжелику».

«Сердце Анжелики начинало колотиться, когда он подходил к ней, малейшее его внимание наполняло ее радостью, когда его не было рядом, ее охватывал страх. Она еще не привыкла к тому, что его уже не надо больше терять, не надо больше ждать, что теперь он всегда будет с ней.

„Как я люблю тебя. И как мне страшно...“ Она не сводила

с него глаз. Де Пейрак разглядывал в подзорную трубу противоположный берег озера».

Розка подняла голову от книги и огляделась. Бегун уперся в соседнюю скамью выпрямленной ногой и теперь делал наклоны, налегая на ногу негнушимся корпусом. Потом переменял ногу.

Розка вновь уперлась в книгу, еле различая строки в нежных сумерках. О, прекрасная Анжелика, как тебе вообще удастся не попадать во всякие смешные и унижительные истории, как все, буквально все, что с тобой происходит, обрачивается к твоей же пользе. В розоватом, льющемся из-за края неба свете, она перелистнула страницу.

«Что это могло быть? Я будто слышала, как треснули ветки и что-то черное мелькнуло в кустах... Кто там был? Кто видел меня?» Во всяком случае, взгляд, который она на себе ощутила, вряд ли принадлежал человеку. В этом было что-то таинственное.

Она напряженно вглядывалась в золотое кружево листвы на фоне темно-голубого неба. Стояла такая тишина, что было слышно, как под слабыми порывами ветра чуть шелестит листва. Но теперь этот покой казался Анжелике обманчивым, она не могла отделаться от охватившей ее тревоги.

«Там только что мелькнул чей-то взгляд! И он перевернул мне всю душу!»

– Ты чего вертишься? – рассеянно спросил Вася. – Клиента спугнешь.

– Неуютно тут немножко, – виновато сказала Розка.

Вася захлопнул журнал и поглядел на нее неожиданно внимательно. Глаза у него в сумерках были черные и раскосые.

– Ну, вроде стадион как стадион, – неуверенно возразил он.

– Ага, – опять согласилась Розка, – только вот... ну, я не знаю... у тебя, Вася, нет такого ощущения... иногда... ну, что смотрит кто-то. В спину... И ты...

Вася остановил ее движением руки: спортсмен-любитель, вконец утратив надежду, собрался с духом и решительно был намерен отвоевать свою штормовку, к которой Вася придвинулся незаметно.

Уже когда он протянул к одежде руку, Вася дружелюбно сказал:

– Ну, как дорожка?

– Что? – удивился тот.

– Дорожка... грунт плотный? Упругий?

– А что? – подозрительно спросил в свою очередь спортсмен-любитель.

– Ну, мы из Пароходства, вот с ней... Подшефный стадион. Ходим, собираем претензии. Если есть, конечно. Душевая работает?

– Господь с вами, – удивился собеседник, – она только для спортсменов. А я так... разминаюсь.

И тут же агрессивно спросил:

– А что, нельзя?

– Наоборот, – доброжелательно сказал Вася, – наоборот, надо... чтобы доступность. Массовость. Мы за это боремся. И за рекорды... за все боремся... Вас сюда пропускают? Без проблем?

– Ну, – сказал спортсмен-любитель, сроду мимо проходной не ходивший, – нет, нет проблем... спасибо...

Он опять протянул руку к штормовке.

– Жалобы есть? – тут же перехватил его Вася. – Нам обязательно нужны жалобы. Чтобы зафиксировать. Если непорядок. Для отчетности. Ну, вы понимаете. Чтобы бороться. За массовый спорт.

Синенький пропуск Пароходства с корабликом на корочке он держал перед лицом собеседника, ограничивая поле зрения.

Спортсмен-любитель испугался и отступил на шаг.

– Нету, – сказал он, тряся перед собой рукой и тем самым тактично отодвигая пропуск, – нет... никаких. Прекрасный... прекрасный стадион... дорожки... выше всякой...

– А все-таки, – ласково сказал Вася, – потому что, если что, мы всегда... тут все для вас... а нам отчитаться. Ну?

Спортсмен-любитель заложил руки за спину и задумчиво покачался с пятки на носок.

– Пусть собак не водят, – наконец сказал он. – Поведись, понимаешь, с собаками... Ты бегаешь, а она за тобой, с лаем... А он за ней... «Лесси, назад, Лесси, назад...»

– Фиксируем, – сказал Вася и вынул из кармана потрепанный блокнот.

– Это что, условия? – Спортсмен-любитель осмелел и замахал руками: – Он говорит, у них рефлекс на бегущего человека. Так не води, где люди бегают. Штаны мне порвали, буквально вчера, вот...

Он ухватил рукой за вытянутые на коленях тренировочные и слегка потянул, чтобы обнаружить следы штопки.

– Непорядок, – солидно сказал Вася, – разберемся. Что за собака?

– Белая с рыжим... то есть, скорее всего, может, с черным, но скорее с рыжим. Темно, не видно. Нос с горбинкой. Ну, фильм еще был.

– Колли, – заключил Вася, – ясно. Приметы собачника?

– Какие приметы у собачника? Куртка, сапоги резиновые. Кажется. Свистит.

– Ясно, – сказал Вася, – разберемся. Поднимем этот вопрос. Больше ничего?

– Что – ничего?

– Подозрительного? Неадекватного? Все спокойно в районе?

– Не знаю, – неуверенно сказал спортсмен-любитель, – вроде все... А что?

– Ничего. Мы обязаны проверить любой сигнал. Если поступает.

– Нет-нет, – замахал ладонью собеседник и торопливо

ухватил штормовку, которую наконец Вася великодушно ему протянул, – собачники, это да. Они через дырку в заборе лезут. Написано – с собаками нельзя, – а они лезут!

Он запнулся и закусил губу, потому что и сам лез именно через ту дырку в заборе. А если ее заделают, то придется идти мимо проходной. Пропуска на стадион у него, понятное дело, не было, а бегать хотелось.

– Ладно, – Вася неторопливо поднялся, затолкав в карман Маркеса, – спасибо за помощь. Пойдем, Розалия.

– И все? – удивился спортсмен-любитель.

– Ну да. А вы чего хотели? Чтобы мы вам медаль дали? Олимпийское золото? Извиняйте, не сезон.

Бегун обиженно пожал плечами и потрусил к выходу. Вася и Розка двинулись следом, но без спешки. Здоровый образ жизни, сказал Вася, надо соблюдать с умом. И снова закурил свой «Беломор».

Красные и зеленые листья подстриженного кустарника были усыпаны круглыми белыми ягодами. С моря волнами накатывало ощущение сырости и тоски.

Васина папираса светилась рубиновым огоньком. Где-то вдалеке, на линии, разделяющей море и небо, таким же чистым светом отблескивал маяк.

– Куда мы идем, Вася? – тоскливо спросила Розка.

– На этот вопрос, Розалия, – рассеянно ответил Вася, – философы отвечают по-разному. Но сторонники диалектического материализма полагают, что к победе коммунизма

однозначно.

– Вася, ты опять...

– Ну, если конкретно, в данный момент, то собаку ищем. Белую с рыжими пятнами. Или черными, но скорее рыжими. И главное, Розалия, нос с горбинкой. Такая вот ярко выраженная семитская собака, ну...

– Зачем она тебе?

– Зачем человеку собака? – удивился Вася. – Лоренца не читала? Долгими первобытными ночами собака была человеку единственным другом, и во мраке, наполненном страшными чужими звуками и запахами, оба они сидели у костра, вглядываясь в ночь. Впрочем, это не мешает людям с собаками обращаться по-свински. Что для друзей, в общем, обычное дело.

Розка замолкла. Васины объяснения, всегда очень подробные и совершенно не по делу, постоянно заводили ее в тупик.

– Они должны гулять тут каждый вечер, – бормотал тем временем Вася. – Собачники, они, знаешь, какие настырные? А собаки ритуальщики, еще патер Браун говорил. Один и тот же маршрут, круглый год, в любую погоду. Поэтому мы торопиться, Розалия, не будем. Ага, вот...

Розке было скучно, и чтобы развлечь себя, она стала Анжеликой. На чистокровной кобыле Долли она ехала по темным канадским лесам, бок о бок с ее любимым мужем Жоффреем де Пейраком, и сердце ее замирало от любви и тоски,

а над ней смыкались багряные кроны кленов и темные ветви елей. И над озером, отражавшим темное небо, и круглые красные деревья, и острые черные деревья, кто-то чужой и странный смотрел, смотрел ей в спину...

– Ой! – сказала Розка.

Но тут же облегченно выдохнула. Крупная колли с темными, чуть раскосыми глазами (совсем как у Васи) ткнулась черным влажным носом Розке в руку.

– Стой спокойно, – велел Вася, – не дергайся.

– Да я и не дергаюсь, – обиделась Розка, – я собак люблю.

– Ну, тогда погладь ее, что ли...

Розка наклонилась и стала трепать собаку за ушами. Собака вывалила язык и захакала. Нос у нее действительно был с горбинкой.

– А вот и хозяин...

Немолодой сухопарый хозяин очень напоминал давешнего спортсмена-любителя. Только тот был в штормовке и бритый, а этот – в куртке и с бородкой.

– Естественный антагонизм, – прокомментировал Вася, – особенно драматичен, если возникает между сходными особями или группами, различающимися по минимальному числу признаков. Сечешь?

– Ага, – механически согласилась Розка.

– Не нравится мне, Розалия, – сообщил Вася, – вот этот твой либеральный оппортунизм. Вот это твое соглашательство. Точнее надо быть. Определенней.

– Лесси, – подал голос хозяин, – Лесси.

– Мало воображения у людей, – вздохнул Вася.

Собака, игриво, боком отскочив от Розки, бросилась к хозяину.

– Это он ревнует, – пояснил Вася Розке, – между хозяином и собакой обычно устанавливаются интимные, особо прочные отношения. Это называется «импринтинг».

– Аг... – Розка прикусила губу.

Вася тем временем дружелюбно махал рукой собачнику. Вася был хамелеон.

Он ухитрялся сразу понравиться собеседнику. Тогда почему он так гнусно ведет себя с ней, Розкой? Потому что не хочет понравиться? Или, подумала она с ужасом, потому что ей, Розке, это в глубине души приятно?

– Хорошая у вас собачка. – Вася оценивающе окинул взглядом колли, которая так виляла хвостом, что контур его размылся. – Шестьдесят пять в холке? Шестьдесят восемь?

– Они поменяли стандарты, – обиженно сказал собачник, – и вlepили нам хорька. Вы ведь подумайте, – обратился он к Розке, как к сочувствующей, – с войны ведь выводили русскую версию колли, сухую, высокую, крупный костяк, мощный щипец, хорошая рабочая собака, и на тебе... минус десять сантиметров и переводят из служебных в декоративные. Здрaсте-пожалуйста!

– Плакал наш план вязки?

– А то! Привез секретарь секции из Польши эту карлицу,

и пошло-поехало! А ведь к нам раньше очередь была!

– У нас разве можно мелких держать? – прицокнул Вася. – С мелкими и выйти-то страшно. Вы вот как, без эксцессов гуляете?

– Она вообще-то, – смущенно сказал собачник, – ласковая у меня. Ко всем идет. А лает только на бегунов этих. Рефлекс у нее... бежит, догоняет и делает вид, что за пятки хватает. Уроды, видят же, собака играет просто. Зачем так орать? Милицию позову, милицию позову! Правила выгула нарушаете, с собаками нельзя, вон табличка висит! А где гулять? Со двора гоняют, на улице тоже...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.